

Борис Попов

Болгарская неожиданность

18+

Борис Попов

**Болгарская
неожиданность. Книга 5**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Попов Б. В.

Болгарская неожиданность. Книга 5 / Б. В. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Попаданец в 11 век Владимир сопровождает побратима Богуслава к невесте во Францию, а на их дороге встают водяные нимфы наяды, вампир, болгарская женщина и отягощенные козлом разбойники. Для помощи нашим героям прилетает посланец языческой богини филин и находится магический кинжал. В общем, поехали! 5 книга серии.

– Все эти голосования, выборы решения большинством народа, как это придумали новгородцы со своим вече, редкая чушь! – безапелляционно заявил Богуслав.

– А что ж так? – поинтересовался я. – Глас народа, глас Божий! – как говорится.

– Да ты подумай сам: глупых и не очень толковых всегда семь-восемь человек на десяток, и эта дураковатая толпа наверняка проголосует против верного и разумного решения, принятого умниками. Поэтому надо ставить во главе всегда самого толкового, у которого должно быть право единоличного решения.

Вот мы шли ватагой в девять человек, а кто все решал? Ты, и только ты. А проголосовал бы народ за какую-нибудь выдумку протоиерея Николая или атамана ушкуйников Матвея, и все, приехали, суши весла! Так до сих пор бы и мыкались где-то без особой надежды на успех.

– Ну скажем так, что ты в чем-то и толковей меня, и много лет в воеводах был, и ни одного важного решения я без твоего совета не принимал. Да и с другими нашими орлами частенько советовался. И чего там греха таить, частенько бы без дружеского совета ошибался.

А без выборов к власти приходят потомки какого-то умника, и начинается полная катавасия. Уже его дети во всем уступают отцу, а насчет внуков и говорить нечего – природа отдыхает.

Вот ты, умник из умников, деловитейший человек, а все ли в вашем старинном роду бояр Вельяминовых таковы? Наверняка дураков и оболтусов немало.

Богуслав засопел и умолк – видимо крыть было нечем, а у меня в голове замелькали воспоминания.

Мы выехали на свеженьких лошадках из Константинополя сегодня рано утром и двигались по землям Византии. От прежней многочисленной ватаги, которая с неистовым усердием и упорством рвалась спасти мир от удара метеорита из антивещества, нас в новый поход пошло всего четыре человека: боярин Богуслав, мой кровный побратим и сильный белый волхв; слабенькая предсказательница будущего и белая колдунья Наина; Иван, мой верный друг и соратник во всех делах, изловчившийся в неравном бою изничтожить нашего главного врага – черного волхва Невзора и я. Сзади поднимал пыль табун из восьми запасных коней, заводных, как говорили здесь, в 11 веке, которых пасла и гнала за нами среднеазиатская овчарка Марфа, с мозгом, усиленным Богуславом до уровня двенадцатилетнего подростка.

В какую сторону и на сколько нужно отвести метеорит, чтобы исключить гибель Земли и человечества, посчитал и предсказал известный математик, астроном, философ и поэт Омар Хайям, а дельфины, существа, очень сильные в плане магии, направили его подальше от нашей планеты и в обход Марса к поясу астероидов – пусть там с мелкими камнями сталкивается сколько угодно, для нас уже вреда не будет.

Бог создал звезды, голубую даль,

Но превзошел себя, создав печаль!

Растопчет смерть волос пушистый бархат,

Набьет землю рот... И ей не жаль.

Забыл спросить Хайяма, когда он написал эти рубаи – до известия о прилете метеорита, или уже после.

Конец света отодвинулся на неопределенный срок, а мы поскакали во Францию за невестой Богуслава Анастасией Мономах, получившей в этом рождении имя Полетты Вердые, и родителей, отнюдь не императоров. Первая и единственная любовь боярина в этой новой ипостаси отлично помнила свою прежнюю жизнь, Славу и их общего сыночка Владимира Мономаха, будущего князя Киева и всея Руси, правившего сейчас Переславским княжеством.

В настоящее время славная девушка Полетта находилась под попечительством бывшей королевы Франции Анны, дочери Ярослава Мудрого, и жила при ней в монастыре, где та подвизалась настоятельницей матерью Агнессой и заодно обучала молоденьких ведьмочек.

Оставлять девчонку дома не было никакой возможности – уж очень рьяно ее пытались насильно выдать замуж за богатенького торговца, обещавшего за это отсыпать денег, обнищавшие родители, которых душили злые кредиторы. Отцу выдали отступного посланные матерью нынешнего короля Филиппа Первого Анной Ярославной французские дворяне-шевалье, и девица теперь ожидала своего суженого Богуслава с нетерпением.

Она хоть и была в прежней жизни замужем за князем всея Руси Всеволодом Ярославичем, но всю свою короткую жизнь любила только Славу – своего друга юности и отца их общего сына.

Богуслав поскакал бы и один, но без меня он чувствовал себя не очень уверенно в чужих краях, и я отправился с ним. В связи с тем, что Анна Ярославна была женщиной осторожной и умудренной жизнью, а нам могла просто не довериться, с собой прихватили дух ее бывшей наставницы – Большой Старшей ведьмы Киева, которая сейчас угнездилась в Наине. С учительницей по ведминским делам Пелагеей Анна всегда найдет общий язык – они ведь до сих пор переписываются, пользуясь руками правнучки ведьмы Оксаны, в мозгу которой умершая прабабушка обосновалась на постоянное место жительства, посредством голубиной почты.

Иван никак не мог оставить молодую жену, да и она без него ни в какую Францию не поехала бы, так что наша компания стала на одного сокола больше.

Я, врач-травматолог, попаданец из 21 века в 11, где в Новгороде развил бурную деятельность: скоморошничал, пел песни из будущего и рассказывал анекдоты, организовал две лесопилки, начал делать и продавать кареты, обжигать кирпич. По ходу освоил умение лечить как ведун и как волхв, женился по сильной любви на богатырше Забаве и построил себе дом. Мой мозг как-то самостоятельно и сразу подстроился к старорусской речи, и особых проблем с адаптацией у меня не было – хоть и стародавняя, да все-таки Родина.

И тут мой наставник белый волхв Добрыня сообщил мне о скоро прилетающем метеорите, который вызовет Апокалипсис с разрушением Земли. А моя последняя любовь Забава уже беременна...

Я сколотил ватагу и финансово обеспечил поход ради спасения человечества от планетарной катастрофы. Землю спасли, теперь вот выполняю обещанное побратиму. Богуславу уже 59 лет, и он выглядит стариком, правда еще очень бодр, а меня, его 58-летнего погодка, омолодили неведомые силы, произведшие перенос, и я гляжусь лет на 30-35. Да и чувствую себя соответствующим образом.

А контакт с дельфинами обеспечил мне инопланетный пришелец БГНРТВЕ с одной из планет созвездия, состоящего из трех звезд, которое люди зовут Полярной звездой. Он был с М – 3251578.

Для простоты общения я звал его Боб Полярник. Он мне перешел в наследство от Невзора, который удерживал его при себе в течение многих лет. Инопланетный пришелец сильно рвался назад, в свое тело, хранящееся во Вратах Богов на территории инков в Южной Америке, с последующим убытием на родину посредством телепортации.

Я было пообещал Полярнику доставку к Вратам в случае успешных переговоров с дельфинами, но узнав, куда надо будет переться, плыть через Атлантический океан наотрез отказался. Тихий прельщал меня не больше. Да и переложить будущие роды супруги на бабок-повитух я не мог.

Решили, что отправимся после родоразрешения и окончания опасного для младенца периода. Кроме того, пришельцу было поручено поискать другой метод передвижения, а не на теперешнем кораблике – тут еще и каравеллы, как у Колумба, не придумали. Правда, мне друзья, лесные антеки, известные в наше время как гномы, подарили выход в Интернет 21 века, и построить любое судно по чертежам оттуда большой проблемы не составляло, но без обученной команды я в море не сунусь, а где ж ее взять?

То есть давай, инопланетный друг, налавчивайся изготавливать на базе мастерских 11 века какой-нибудь самолет понадежнее или как хочешь обучай меня искусству телепортации – Будда же умел, глядишь, и у меня получится, а мы с Забавой подождем. Можем и долго подождать, и очень долго, мы никуда не торопимся. Строй, учи, все чем-то занят будешь, а я тебе стану помогать. Долго, очень долго буду помогать...

Так что вопрос доставки меня с Бобом к озеру Титикака завис в воздухе, ну и ладно. Сейчас главное побыстрее обженить Богуслава и поскорей воротиться к Забаве. Соскучился – не могу!

Проезжая какое-то поселение решили остановиться в придорожном трактире на обед. Немолодой сервитум-половой, голова с проседью, объяснил, что до Болгарского Царства нам еще два дня ехать, и посоветовал покушать поплотней – чего там у этих болгар вкусного поешь! Да и в самой Византии на окраинах империи рыбная кухня сходит на нет – далеко от моря. А вот в этой корчме все самое лучшее и вкусное, приготовленное из свежайшего мяса и рыбо-продуктов.

– Хорошо излагает, собака! – сказал по-русски Слава, усмехнувшись в усы.

Конечно, нашего языка византиец не знает, а мы все, кроме Ванюшки, начинаем понимать чужие наречия после двух – трех фраз собеседника. Вдобавок, уже пожил и в Херсонесе, и в Константинополе, и говорили по-гречески, на официальном и разговорном языке Византийской империи, свободно. Одно слово – волхвы!

– Собак наш повар не готовит, – спокойно продолжил уже по-русски сервитум, – но есть кунели – крольчатина тушеная с овощами.

Мы дружно разинули рты.

– Также можете заказать пайдакью – запеченные бараньи ребрышки. Не обойдите своим вниманием говяжий суп врасло. Думаю, закуски, вроде тарамасалаты из копченой тресковой икры с маслинами, зеленью и оливковым маслом или каламаралакья, состоящая из зажаренных до корочки кальмаров, не оставят вас равнодушными. Учтите, что соли мы никуда почти не кладем, обходимся лимонным соком, но солонку я вам на всякий случай сейчас подам – вы же все-таки приехали издалека и пристрастия, и вкусы у вас там свои.

Мы только повертели головами – ох, хорошо излагает!

– Из рыбных блюд могу порекомендовать скумбрию, печеную на углях, мидии на пару, или тушеную каракатицу с листьями шпината.

– Нам с Ваней всего охота попробовать, – робко сказала Наина, – а то жизнь проходит мимо, а мы ничего этого и в глаза не видели...

Богуслав посмотрел на меня.

– Ты как?

– Да я не против, и для меня тут многое в диковинку. Отметим начало нового похода, так что не жмись и денег не жалей.

– Понял! – кивнул Слава. И половому: – Тащи что есть готового, долго ждать, пока вы там отстряпаетесь по-нашему заказу, мы не хотим.

– А какое вино предпочитаете? Есть розовое и белое.

– Неси и то, и то. Хлеба не забудь.

– Собаке горшок каши, какая есть, и кусок сырого свежего мяса, во-о-т такой. Мясо порезать на четыре части, – добавил я.

– Сделаем! – заверил нас сервитум и ушлепал на кухню.

Боярин хмыкнул.

– Экий ловкач тут половой, ети его мать! Аж до нутра пронял, жрать стало охота неимоверно! Каракатицу какую-то приплел, понимаешь ли...

Поели неплохо, познали вкус каракатиц, мидий и кальмаров, прихватили с собой розового винца и немного харчей в дорогу – кто знает, когда на ужин остановимся, глядишь и

пополдничаем где в дороге. Погода ясная, солнечная, денек теплый, и стало быть, слегка переделывая дедушку Крылова:

И под каждым под кустом, нам готов и стол, и дом.

Приятно удивили цены: при расчете с нас взяли раза в три меньше, чем в Константинополе. А уж когда Богуслав сунул велеречивому сервитуму целый милиарисий чаевых за его рассказы, провинциальным восторгам не было конца. Мы оказались и самыми щедрейшими из путешественников, и признанными гурманами, и знатоками кушаний, и кладезем кулинарных знаний, и известными эстетами хорошей еды, словом, устроители пиров Лукулла, да и только.

Выехали мы из харчевни сытые и благодушно настроенные, только Богуслав, пораженный местными изысками средиземноморской кухни, время от времени встряхивал головой и произносил что-то вроде:

– Вот ведь какие тут каракатицы, етишкин дух!

Ехали неспешно, не хотелось бешеной тряской скачек нарушать спокойную работу пищеварения. Я, покачиваясь на буланом жеребце, негромко напевал красивым баритоном старинную для моего времени гусарскую песню:

Пускай погибну безвозвратно,
Навек друзья, навек друзья
Но все ж покамест аккуратно
Пить буду я, пить буду я.
Я пью и с радости, и с скуки,
Забыв весь мир, забыв весь свет,
Беру бокал я смело в руки,
И горя нет, и горя нет!

– Кстати, когда ты выпьешь лишнего, сняв защиту, как в прошлый раз, у тебя все мозговые волны идут рябью и мировосприятие перекашивается, – совсем некстати нарушил мои чудесные рулады занудливый Полярник. – Даже видишь и слышишь похуже, а вот норадреналина прибывает прямо немеряно!

Еще из институтского курса я знал, что во всяких опасных переделках в организме человека вырабатываются два основных вещества: адреналин – гормон страха, и норадреналин – гормон ярости, и от того, какого у тебя больше, ты делаешься в трудный момент трусом или смельчаком. Еще их зовут гормонами зайца и льва.

Я и трезвый-то побояться вволю не успевал, три – четыре секунды испуга, и меня захлестывала волна безудержной злобы и ярости – всех порву! Просто буря и натиск! Количество противников на мое решение не влияло, пересчитывать наравившихся мне было просто некогда – побьем, потом посчитаем. Меня побьют превосходящие вражьи силы, чего скрывать, такое тоже бывало, значит на досуге уцелевшие зубы пересчитаем, целы ли ребра пощупаем, синяками на морде в зеркало полюбуемся.

Представляю, что у меня в крови по пьянке бушует! Лев, поди, голимый! И зачастую чрезмерный и вылезающий где не надо...

Поэтому защиту от воздействия излишних количеств алкоголя я воспринял как благодеяние. Мне ее поставил как-то на досуге волхв Добрыня. Выпить чего-нибудь такого не возбраняется, но возле опасного порога опьянения в голове звучит мелодичный звон колокольчика. Желает продолжения банкета? Пожалуйста! Наливай поскорей! Только выпьешь еще рюмку, две и тебя настигнет неминуемая кара – облюешься, как цусик, и станешь трезвым, голодным, как пес, и злым, как сторожевая собака на цепи.

Поэтому я очень внимательно следил за тем, чтобы употребление горячительных напитков не переросло в злоупотребление, и внимательно прислушивался, не звонит ли карающий колокольчик.

А защиту мне временно снял дружище Богуслав – ему-то все было нипочем, квасил, сколько хотел, но потери лица никогда не допускал. Как говорится: ему дано!

Я с юности не пил лишнего, и похмелья не знал, но сейчас уже старость на пороге, и черт его знает, как эти передозы на тебя повлияют. Немало я в своей врачебной жизни видел спившихся уже в значительном возрасте людей, прежде совершенно приличных. Азиатский ген, понимаешь ли, не дремлет! Да и мало ли чего отчубучишь по пьяни, и какие кости себе и другим переломаешь! И хоть пиво я не особенно люблю, но замену им водки молодежью 21 века одобряю.

Запел дальше:

Когда я пьян, а пьян всегда я,

Ничто меня не устрасит

И никакая сила ада

Мое блаженство не смутит.

– Кстати, – опять встрял в мое залиvistое пение Полярник, – твой центр видения будущего предсказывает скорое исчезновение одного из твоих друзей. Так что будь настороже – твой предсказатель видит недалеко, но никогда не ошибается.

Мое видение будущего, выраженное в детстве и подростковом периоде, блокировалось у меня после первого полового опыта с женщиной, даже имя которой я сейчас вспоминаю с некоторым трудом – шутка ли, уже больше сорока лет прошло, и мало ли у меня было с той поры таких постельных подруг.

А вот Боб нашел в этот закрытый участок моего мозга какой-то лаз, и иногда, очень кстати, предсказывал предстоящие события. И то что не я предсказываю, а он, какая в принципе разница? Как говорят хохлы, хоть черт, хоть бис, абы яйца нис!

– А кто исчезнет? Когда и где?

– Точно не знаю, картинку будто туманом заволакивает, ощущение будто морок кто-то наводит. В общем, держи ухо востро! Какой-то звук вроде плеска воды доносится, но то ли в ней купаются, то ли ее пьют, то ли льют на кого-то, ничего не разберешь.

– Н-да, не густо.

– Ну чем богаты, тем и рады!

Петь что-то расхотелось, и дальше ехали молча. Эх, какую песнь русского алкоголика порушил, инопланетный бродяга!

С Богуславом я пока решил мутным предсказанием не делиться – все равно ясности в этих видениях Полярника никакой нету. Буду сам держать ухо востро и стоять настороже.

Накатанная дорога вывела нас на пологий бережок какого-то то ли крупного ручья, то ли небольшой речушки, и ушла прямо в воду – тут видимо был брод. Прямо напротив, с другой стороны реки, она так же начиналась и уходила в неведомые дали. Никаких трудностей переправа не предвещала, никаких тревожных знаков по берегам не наблюдалось, но таинственное предсказание меня тревожило.

На всякий случай я решил проверить глубину – вдруг на ровном месте омут какой образовался, или дно может как-то невиданно заилилось, кто его знает, чего тут в Средних веках творится – не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Засосет кого из мужиков или уйкнут на невиданную глубину вместе с конями, и ищи их потом свищи! В общем, надо быть начеку, и с ухом не расслабляться. А для верности поброжу ногами по дну сам, так гораздо верней и надежней будет.

– Ждите меня тут, – скомандовал я соратникам, – как махну с того берега рукой, начинайте переправу.

– Исккупаться решил? – зевнул Богуслав, наблюдая, как я раздеваюсь, – и то сказать, жарковато сегодня.

– Проверить надо! – отозвался я занудливым голосом въедливого инженера по технике безопасности, которому не свойственны никакие компромиссы.

– Да чего ж тут проверять-то? – изумился бывший воевода, – куда течет речушка-соплюшка? Не прокис ли ручей из соплей? Достойный ли в этом году разлив у имперских вод? Чудишь, Володя, из-за жары.

Действительно, здешние воды не внушали опасений. Но предсказание было сделано, а значит проверить необходимо. Пусть я выставлю себя клоуном и насмешу людей, но совесть моя будет чиста, а душа спокойна. Поэтому сжав зубы, я продолжил раздеваться.

Действительно, солнце, невзирая на ноябрь месяц, припекало изрядно, реальное глобальное потепление с 8 по 11 век, когда в Англии выросал сочный виноград, и Гренландия действительно была Зеленой страной, многократно описанное в старинных рукописях, еще работало на всю катушку без всякого вредного влияния человеческой промышленности. Сегодня ветерок едва шевелил листву на верхушках деревьев в рощице на той стороне, и прохладней от этого не становилось.

Ваня о чем-то переживал с молодой женой, и ничто не предвещало беды. Может, предсказание никаким боком и не касается этого ручья? Кто знает, кто ж знает...

А, впрочем, береженого Бог бережет, подумал я, прикрепляя одежду к седлу, и решительно шагнул в теплую воду. Рисковать не будем!

Здесь, на мелководье, речка разливалась метров на пятьдесят в ширину, а вверх и вниз по течению была гораздо уже. Подкрасться к нам никакая водная нечисть не сумеет – слишком мелко, любая русалка или водяной видны будут, вода даже до колена толком не доходит. Да и Марфа чувствует этих тварей, враз залает.

Выврутся из рощи разбойники, пятнадцать человек мы втроем враз уьем, бросив на них по одному взгляду волхва. Налетит откуда-нибудь более многочисленная орда, запугаем страшными мыслями аж до поросычьего визга – рады будут живыми ноги подальше от нас унести.

Молнией не убьет – небо со всех сторон чистое. Рыбы пираньи в этих краях сроду не водились, у нас тут не Южная Америка, плывущую змею издалека видно. Ох, рановато я видать взялся народ охранять!

Спокойно перешел на противоположный берег, заодно и трех своих коней в поводу перевел. Марфа тоже перебралась со мною вместе. Помахал рукой, можно идти.

Следующим, не слезая с лошади, поехал Иван, изготовились к переправе Наина и Богуслав. Вдруг на середине Ваниного пути вздыбилась ровная гладь реки, и вихрем брызг молодца утянуло прямо с седла в воду! Бах! И все опять выровнялось.

Завыла Марфа, заверещала Наина. Мы со Славой, не раздумывая, рванулись с разных сторон к месту происшествия кто в чем был: я уже успел натянуть портки, боярин полностью одетый. Добежали, и что? Такое же мелководье, как и вокруг. Даже нырнуть, поискать и то некуда. Какая-то безнадега полная.

Выбрались на прежний берег, Марфушка осталась с той стороны выть и присматривать за конями. Ная рыдала в голос.

– Ванечку, моего Ванечку русалки утащили! Нипочем не отдадут!

Поглядел на Богуслава, может я чего недопонимаю, а он все-таки человек этого времени, да и волхв посильней меня, но боярин только недоуменно пожал плечами – мол, понятия не имеет, с чего бабенка это взяла. Бабская душа потемки, и отчего Ная такую пургу несет, не угадаешь.

А Наина продолжала:

– Руки! Из воды, что вверх взметнулась, женские руки высунулись, ухватили Ваню и утащили за собой!

Ну не чушь? Зримаая чушь! Куда тут тащить-то на этом мелководье?

Вдруг пролаяла Марфа – ее собачий язык я понимал хорошо:

– Я! То-же! Ви-де-ла! – и деловито продолжила выть.

А вот это совсем меняло дело – волкодавы никогда не фантазируют. Богуслав вздохнул и негромко позвал:

– Пелагея! Выходи!

Старшая ведьма Киева не заставила себя ждать. Буквально через пару секунд Наина последний раз всхлипнула, расправила понурые плечи и бодрым голосом, вытирая при этом слезы рукавом, произнесла как-то по старушечьи:

– Тута я, мальчишки! И тоже это видела. У Найки зрение дай бог каждому. Были женские руки, они-то вашего пацаненка с седла и сдернули. Русалка, как пить дать русалка, больше тут озоровать некому.

Опа-на! Конечно, в столетнем возрасте ей можно называть почти шестидесятилетних нас с Богуславом мальчиками, а двадцатилетнего Ванюшку пацаненком, но смысл оставался прежним – откуда-то черт вынес по Ванькину душу русалку! Вот тебе и плеск воды в предсказании! Махом молодого куда-то уплескали!

– Только тутошняя русалка какая-то неправильная, слишком живая, – продолжила Пелагея. – Наши то все поголовно утопленницы, озоруют со скуки, на них печать смерти явственно видна, а у этой какой-то божественный оттенок замечен. Одно слово – не наша! Может и не русалка вовсе...

– Ладно, выясняться в другой раз будем! – поторопил ведьму я, – как нам Ваньку-то из ее лап вырвать?

– Да кто ж это знает! – развела руками Пелагея. – Наши то дуры, поманишь зеркальцем али бусами грошовыми, враз труп парубка тебе и отдадут, а про этих я ничего не знаю.

– А в живых у Вани остаться шансов нету? – холодея от предчувствия беды, спросил я.

– Покажи нам, дуракам, потомок, как вы там через тысячу лет наловчились под водой дышать! – хихикнула злая старуха, и уже довольно-таки серьезно прибавила, – правда ходит легенда о богатом новгородском госте Садко, как он поиграл на дне моря на гусельках морскому царю, уснул и очутился живым на берегу Волхова, почти дома. Только в его судьбе принял участие сам Николай-Угодник, да и история эта больше похожа на байку – уж очень ее по-разному в разных местах рассказывают.

А как к местным подводным жительницам подступиться, я и знать не знаю, и ведать не ведаю, так что крутитесь сами, как можете.

И с этими словами Пелагея нас покинула, а освобожденная Наина вновь завывала синхронно с Марфой.

– Вот ведь поганство развели! – выругался неизвестно на кого Богуслав, – что делать-то будем?

Я тоже развел руками – приемлемых вариантов у меня не было. Воевода тут же обрадовался, как же, выявил виноватого, его можно терзать, срывая свою злобу и горечь в душе на другом, и зарычал:

– А ты куда глядел, старый пень, проверяльщик хренов! А еще атаман! Почему угрозу не углядел, не учуял? А теперь пропал парень с концами, осталось только труп сыскать, да похоронить юношу по-человечески!

Конечно, можно было бы ответить, что и сам боярин далеко не молод, и был против этой явно ненужной на тот момент проверки, и в этом походе во Францию уже Богуслав выступает в роли командира, а я так, на подхвате, но так сильна была боль за жизнь верного друга, что она перевесила все мелкие сиюминутные обиды и я, вместо того, чтобы орать классическое в таких ситуациях «сам дурак», промолчал.

Самочувствие было, хоть сам иди и топись. Неожиданно вмешался Полярник.

– Да жив ваш Ванька, жив, – проворчал он, – его наяда утащила. Это не мертвая русалка, этой живой и молодой красавец нужен, они других для работы по получению своего потомства и не берут.

– А что же они с пойманными юношами делают? Не глумятся над ними? – спросил я, не обращая внимания на радостно забившееся сердчишко.

Вытащим, вырвем из хищных лап неведомой похитительницы пусть и изувеченного моего друга верного! Лишь бы жив наш Ваня был! А уж потом подлечим, подлатаем.

– Ну как же без глумления, – неторопливо продолжал Боб, – трудно им это будет и непривычно. Испокон веков положено пойманного мужчину раздеть, и овладеть им не спеша, да еще со всякими наработанными за тысячи лет женскими изысками.

– Но ему не больно будет?

– А это уж как Ванюша сам пожелает. Рьяного мужика от этих многочисленных водных нимф, наверное, и палкой не отгонишь. Тут скорее больно Наине будет, а не ее мужу. Он перетерпит. Сколько их осилит через себя пропустить, столько и перетерпит. Этих девок много, и они все безотказные. Вот только каков конец у этой истории будет, неизвестно.

– Постой, ты же говорил, что они наяды! А теперь еще какие-то нимфы нарисовались. Эти-то кто такие?

– Наяды, как пишут в Интернете, это речные и ручейные нимфы. Еще бывают океаниды – океанские, морские nereиды, лимнады – девы озер и болот, горные ореады, древесные дриады, долинные напеи, альсеиды приглядывают за рощами...

– Хватит, хватит! – запротестовал я, – а то сейчас выяснится, что они тут в каждой табуретке мужиков подкарауливают. А наши точно наяды? Ошибки быть не может?

– Кроме них в проточной пресной воде никто не селится. Они тут хозяйки, это их владения. Если наяды здесь обжились, то их должно быть немало. К людям относятся неплохо – могут целебной воды дать, частенько будущее предсказывают. Не бессмертны, но гибнут только вместе с источником своей жизненной силы.

– А где же у них эта сила спрятана?

В голове сразу завертелся сюжет русской сказки о Кощее Бессмертном – дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла. Добыл иглу, меняй ее на Ивана.

– Да чего ее прятать? Вся их сила в этом же ручье. Пересох ручей, и наяды поумирали. Переместиться на новое место они просто неспособны.

Вот оно что! Незамысловато как-то.

– А как бы нам Ивана выкупить?

– Вот чего не знаю, того не знаю. В Интернете таких сведений нет. Ваши золото и серебро ими не ценятся, сделанные людьми украшения на них не описаны, натыкают в волосы каких-нибудь цветов или раковин, а то и древесных веток, и на этом все. Одежда на них появляется при рождении и ее покупать не нужно.

Древние греки считали наяд младшими богинями и приносили им на берег реки или ручья дары и подношения, в основном еду всякую, но брали ли они ее или нет, неизвестно. Да и немало с той поры воды утекло – все это еще до христианства было, да и тут не Греция.

Но вот только похищенные назад почему-то не возвращались никогда. То ли их заезжи-вали насмерть, то ли они там, на дне обживались, об этом никаких данных нет. А может миф о вернувшемся утерян, или я его не нашел, их же тьма, кто ж знает. И случались эти похищения очень редко, чуть ли не в сто лет раз и чаще в море. Может они чаще и не плодятся?

Я аж стукнул кулаком о ладонь – ну куда не кинь, всюду клин! Ведь уже около семисот лет прошло с той поры, как языческих богов свергли с пьедесталов. Ну пусть греки сделали это чуть попозже римлян, а может и раньше? Слаб я в этой древней истории, но все равно – очень давно все это было.

Внимательный Богуслав сразу заметил изменения в моем поведении. То поникший и безропотный стоял, а тут вдруг горячиться начал!

– Что, Володечка, надумал чего? Или в своей Всемирной Паутине что-то полезное выискал?

Ишь как подлизывается! Володечка! А только что старый пень да проверяльщик хренов был. Впрочем, неважно. И я коротко передал содержание своей беседы с Полярником побратиму. Наина тоже заинтересовалась, и перестав рыдать, внимательно выслушала мои речи.

А потом как вспыхнула! Глазенки горят, ручонками машет, головенка трясется. Фу ты ну ты, лапти гнуты!

– Мой Ванечка не такой! Он постоит за честь нашей семьи! Он, он порядочный!

Мы с Богуславом переглянулись. Конечно, все именно так. Только ты на десять лет Вани старше, всю Русь до него объездила, бросив мужа Абрама и десятилетнюю дочь Эсфирь в Киеве, и сдается нам обоим, что на тебе, голубушка, и до Вани клейма было поставить негде: все-то ты прошла, все перевидала, и все перепробовала. А сейчас с мужа невиданную верность хочешь взыскать!

Поэтому разговор с ней был коротким и преследовал только одну цель – не мешай занятым людям!

– Наина, твой Иван все перетерпит, и вернется к тебе незапятнанным. А сейчас ступай на травку отдыхать, на во-о-он тот дальний холмик, а мы будем думать думать, как твоего невиданно верного супруга из вражеского плена выручить. И не шуми! Думать мешаешь.

Ная, конечно, далеко не ушла, но громко завывать перестала, и присела тихо плакать на не очень далекий от нас зеленый бугорок. А мы приступили к дальнейшему обсуждению проблемы и выработке плана действий.

Я опять хлопнул кулаком по ладони.

– Чего бы им лучше меня или тебя не захватить! Мы старые, опытные, вывернулись бы как-то из этой переделки.

– Володь, а ты в зеркало себя давно видел? Рожа еще та!

– Да уж не красавец, это точно, – признал я. – Ну тебя бы изловили, ты то на лицо гораздо приятнее.

– Для случки на потомство я уже староват, – самокритично оценил себя Богуслав. – Вот завалить кого, это я еще в силе, и потомство от меня обычная баба может приличное нарожать, но тут ведь не с нашими женщинами дело иметь будешь.

Кто их этих подводных знает, может их детки на отцов один в один получают, тут ведь не угадаешь. Покуролесишь с этой наядой ночью, и будут потом на этой речушке наши полуседы да морщинистые дочери бродить.

Дальше он, опасаясь острого слуха Наины, говорил шепотом.

– А от Ваньки поросль будет то, что надо – он парень видный и в этом деле видать крепкий, вон как Найка возле него обычно увивается, а сейчас вообще заревновала безумно.

Вот наяды на нашего орленка и польстились, у них глаз-то поди наметанный. Так как парня из этого плена выручать будем?

– Для начала надо хотя бы с одной из этих пресноводных обитательниц потолковать, может какая-то здравая мысль у нас и проклюнется. Вдруг у них тут в проточной воде нужда какая в чем-то образовалась? А мы и поможем. И за это Ваню потребуем.

– И то дело! Только как наяду из речки этой выманить? Воду, может как-нибудь взбаламутим?

Мне на ум никакие методы взбаламучивания воды, кроме динамита, что-то не приходили. Конечно, имелся еще в наличии опыт ловкого пушкинского Балды в выманивании морских чертей и бесов из моря, но мне он с детства казался каким-то недостоверным.

Там он стал веревку крутить

Да конец ее в море мочить.

И вот как Балда объясняет старому бесу свои странноватые действия:

Да вот веревкой хочу море морщить,

Да вас, проклятое племя, корчить.

Задумано-то, вроде бы и неплохо, да только, по-моему, веревку не то что в море, а и в здешнем-то ручье мочи не мочи, крути не крути, никто все равно не поверит, что его от этой безделицы начнет корчить, и из воды нипочем не вылезет. Хотя если добавить магии...

Я взглянул на Богуслава. Волхв он достаточно сильный, может так забаламутит, что не только наяды с Иваном, а и рыба из воды полезет. Ну что ж, рискнем!

– Ну давай, баламуть! А я погляжу.

– Да я и не умею, – сразу отперся сильный волхв, – думал ты какие-нибудь навыки из будущего применишь.

Я аж плюнул в сердцах!

Подавал голос Боб.

– Спеть можно. Наяды певуны известные, их частенько к Зевсу на пиры для исполнения песен зазывали. Может заинтересуются вашим пением и высунутся из воды.

И то мысль. Вдруг да получится.

Приличный певун тут один я, сейчас и рвану. Богуслава с его похабными куплетами к такому ответственному делу допускать нельзя, не для кентавров петь будем.

У Наины голосок мелодичный, приятный, и поет она неплохо, но женское сердце пением другой женщины не тронешь, никакую наяду им не заинтересуешь.

Ваня там, под водой, наверняка не поет, у него и голос-то неважнецкий, да и не до того ему сейчас, желающие отведают других его умений, небось, на речном дне в очередь выстроились.

В голову почему-то пришла народная песня «Всю-то я вселенную проехал», возможно из-за того, что мысль петь подавал советчик, которому до Земли пришлось перебираться через немалый кусок Вселенной – шутка ли, 447 световых лет.

У этого текста рифмы с моей точки зрения вовсе нет, но подводным девицам улавливать смысл наверняка помогает переводчик получше моего – они все-таки младшие богини, и их возможности неизмеримо выше моих, а подстрочники всегда не рифмованные идут, и значит какая им разница? Зато музыка приличная, и песня душевная, про любовь, а для женского пола это главное.

Первый куплет, про Россию:

Всю-то я вселенную проехал,

Нигде милой не нашел.

Я в Россию воротился,

Сердцу слышится привет,

решил опустить – нет пока такой страны на белом свете, да и не скоро еще появится. И поэтому рванул со второго сильным сценическим баритоном, который подарил мне ведун и мой учитель в деле экстрасенсорного лечения Игорь:

Где ж ты, светик дорогая,

Сердцу весточку подай,

Где ж вы очи голубые,

Где ж ты прежняя любовь.

Никаких любовей из воды не высунулось – ни прежних, ни Ванькиных нынешних. Мысль заманить кого-то песнями, похоже, была не особо козырной, но как говорят в американских боевиках, упорство – это мое второе имя. Итак, продолжим!

Ты заслышь мой голосочек (это у меня-то, с вокалом самого лучшего оперного певца, голосочек!)

Разлюбезная моя,
За твои за глазки голубые
Всю вселенную отдам.

На сделку со Вселенной я бы тоже согласился. Выводите нам Ивана, получайте Вселенную. Что? Как получить? Да вы уже в ней, забирайте, как хотите. А нас, после получения парня, это уже не касается.

Вдруг из воды высунулась изящная русоволосая головка. Ага! Вроде бы получилось. Я поклонился.

– Приветствую тебя, о богиня!

– И тебе привет. Хорошо поешь, неведомый певец. Зачем пришел? – с этими словами наяда показалась из текущей воды во всей своей обнаженной красе, и, не поднимая брызг, двинулась ко мне по мелководью. В отличие от русалок исключительно красивые стройные ноги были в наличии, и их движения были так плавны, так прекрасны, так удачно обнажены... А уж грудь... Ну просто нет слов!

Ее одежда представляла собой нечто эфемерное и приобретала зримые контуры только по мере приближения ко мне нимфы. В волнистые русые волосы невиданной длины были заплетены какие-то необычные цветы странной расцветки и формы.

Дивная красота наяды поражала, а уж вместе с ее одеянием и прекраснейшей фигурой заставляла поверить, что, если бы она поучаствовала в «Мисс мира» 21 века, остальные участницы просто бы расплакались от унижения и покинули сцену навсегда, поняв, что соревнование жалких дурнушек в их лице с этакой раскрасавицей ну просто неуместно.

А если бы она появилась из воды в тот момент, когда я пел, мой могучий баритон сорвался бы в жиденький полудетский голосочек-дискант, а, возможно, и вообще дал бы петуха.

Изумительной певучести голос был нежен, бархатист и услаждал слух изящными переливами. Если бы каким-то чудом наяда взялась мне подпевать, я бы вовсе от восхищения онемел, а сладкозвучные древнегреческие сирены, заманивающие своим чарующим пением всяческих аргонатов для убийственного броска в море, зарыдали и утопились бы от собственной очевидной бесталанности и творческого бессилия, ввиду их очевидного поражения в безуспешных попытках посостязаться своим жалким щебетаньем с божественными звуками голоса речной нимфы. Действительно богиня, спору нет, голоски простых смертных женщин таким звучанием не обладают.

Этот голос манил и охватывал, проникал в самые глубины души, обессиливал и превращал в мягкое тесто мою ранее железную волю. Неимоверное восхищение пронизывало меня, и я был готов припасть к ногам богини, лишь бы остаток жизни наслаждаться лицезрением белизны ЕЕ лица, слушать ЕЕ замечательный голос и любоваться ЕЕ точеным станом. Где уж тут Ванюшке сохранить супружескую верность, да и Богуслава, похоже, тоже повело...

Однако восхищение восхищением, а делишки-то врозь. Я потряс головой, чтобы отогнать это любовное наваждение, вроде бы получилось, и продолжил.

– Вы забрали нашего товарища. Мы хотели бы его вернуть!

– Это Ванюшу? – опять зазвучал божественной арфой сладостный голос.

Хотелось попроситься туда, в подводное царство, в пару к Ванюше... Лишь бы слушать и слушать эти божественные звуки...

Не размякать!

– Да, Ивана!

– А мы не хотим его возвращать, – проговорила-пропела богиня-наяда. – Он нам нужен, – как будто перебрали клавишами на дорогом концертном рояле.

Немного пожестче арфы, но тоже приятно...

Встряхнись! Это все морок, внушение!

– Мы будем вынуждены принять меры!

– Какие же меры ты можешь применить против бессмертных богинь, человечек? Твои угрожающие речи для нас звук пустой! – насмешливым звуком дудки отозвался на мои наглые речи голосок наяды.

Даже и на это потек, слабохарактерный...

Крепись!

– Не совсем так, богиня. Пересохнет этот ручей, и закончится твоя долгая жизнь.

– Он не может пересохнуть! – испуганно взвизгнул гобой.

Ага, слабое звено найдено!

– Сам то он, конечно, нипочем не пересохнет, но мы ему в этом поможем.

– Как ты можешь изменить божественный промысел? – проквалал автомобильный сигнал начала 20 века получавшийся от нажатия резиновой груши рукой негодующего на бестолковых лошадиных извозчиков водителя.

Уф, зримо полегчало!

– Мой народ уже больше сотни лет ставит на пути громадных рек, равных которым в вашей стране просто нет, железобетонные плотины. Река разливается рукотворным морем, и дальше уже течет по нашему велению: захотели – остановили, захотели – дальше потекла.

– Но не пересыхает! – злорадно зазвенела балалайка.

– Да просто нужды в том нет. А тут она может появиться. Вот и придут нанятые мной рабочие, завалят исток этого ручейка мешками с землей и камнями, и отправятся вниз по руслу, забивая деревянными пробками все источники, и законопачивая или отводя в сторону все притоки.

– Твой товарищ может погибнуть! – предостерегающе пропиликал пастуший рожок.

– Не я сплетаю нити судьбы человека. На это есть мойры, а над ними не властны даже боги. Наш спор мне неинтересен. Ты заартачилась, а у меня хватит денег и упорства извести этот ручей. Так что прощай, и давай расставаться.

– Подожди! – испуганно взвизгнул испуганный женский голос.

Слава Богу, обычный!

Наяда несколько раз громко хлопнула в ладоши.

– Энона! Пирена! – заиграл старинный клавесин.

Еще две полуобнаженные красавицы, одна шатенка, другая брюнетка, поднялись из-под воды. У обеих в волосах радугой переливались на солнце половинки влажных больших раковин.

– Слушаем тебя, мать Лириопа! – дружно пропели они.

То ли они ее дочери, то ли она над ними старшая, мне разобраться было некогда и незачем.

– Отдайте гостя! – резко приказал саксофон.

– Но мы им еще не насладились! – заныли молодухи.

– Молчать! Исполнять! – рявкнула Лириопа львиным рыком.

Вот это по-нашему! Вот это мы с воеводой Богуславом одобряем!

Наяды молчком ушли под воду, и через пару минут вывели, а точнее вытолкали оттуда, расхристанного и мокрого, но главное живого Ивана. Получилось!

– Больше претензий к нам нет? – вновь ласково пропела флейта.

– Конечно нет!

– Прощай! – отрывисто и коротко протрубил пионерский горн, и наяда ввинтилась в воду.

Пронаблюдавшая со стороны все эти события Наина чеканным шагом подошла к нам с Богуславом, крепко ухватила меня ладонями за обе щеки и крепко поцеловала в губы. Так же молча она схватила Ивана за рукав и потащила супруга к лошадям. Ивашко еле ноги передвигал, ох видать умаялся, сердешный! Ная не выдержала:

– Поскакали отсюда быстро, потаскун речной, – гаркнула она на Ваню, – не дай Бог пере-
думают эти наяды, да и вернутся! – и злобно зыркнула на не очень торопящихся нас.

И мы поскакали, уносясь подальше от ласковых нимф неведомой речушки. Где-то с пол-
часа уносили ноги молча, не до разговоров было, не до хвalebных речей и разбора полетов
– подальше посуху! Надо думать, теперь ни на какую рыбалку нашего парня не будут отпус-
кать никогда и ни под каким видом, а через любой ручей будут переводить только скованного
мертвой хваткой супруги. Конечно, если в самых поганных ручьях, оказывается, такие опасные
рыбины водятся!

Потом Наина не выдержала и, соскочив с коня, убежала в ближайшую рощу с криком:

– Я в кустики!

– Эх как бабенку прошибло-то! – оценил ее действия опытный Богуслав, кряхтя слезая
с коня.

Мы с Ваней тоже спешили для разминки затекших от бешеной скачки ног.

– Успел водяницу-то какую-нибудь оприходовать? – посмеиваясь спросил Слава. – Вон
Вовка так запугал их старшую по имени Лириопа, что она ему, кроме тебя, готова что угодно
была отдать, лишь бы нас с рук сбывать!

– Да неудобно про это говорить, – потупился молодой. – Нехорошо как-то...

– Неудобно с кобылой это делать, – заржал в голос знаток ратных шуточек бывший вое-
вода, – срываешься часто, высоко слишком!

– Послушай, Вань, лучше меня, – прервал я пустой мужской треп, – сейчас очень важную
вещь скажу.

– Слушаю, мастер! – обратился в слух Иван.

– С мужиками можешь болтать о чем угодно, это дело твое. Рассказывать, не рассказы-
вать – тут только твой выбор. Но я был несколько раз или женат, или жил с женщинами подолгу,
что тоже самое, и накрепко запомнил одну главную в семейной жизни заповедь – никогда не
говори жене, что переспал с другой.

Она будет вымогать из тебя эту очевидную для всех остальных истину всячески, уверять:
да я все знаю, да она моя подруга и сама мне это рассказала, об этом все наши знакомые гово-
рят, не обращай внимания и стой как камень!

Не было этого и все! А кто что болтает, какие лясы точит, это все по злобе и из зависти
к нашей счастливой семейной жизни!

И повторяться это каждый раз по-разному супругой может многократно.

Или жена станет, посмеиваясь и широко улыбаясь, говорить: да это же пустяк! Ты рас-
скажи, за это же взыска не будет.

Нипочем не рассказывай!

Тебя будут тыкать чем угодно: от тебя чужими духами пахнет, у тебя на ворота рубашки
чужие белила и сурьма отпечатались, ты весь в бабских волосах не моего цвета пришел – отпи-
райся ото всего и ни в чем не признавайся! Ври что угодно, неси любую чушь, но не призна-
вайся! Хоть домой в женском сарафане заявишься, стой на своем – не было и все!

Иначе тебя за этот мелкий проступок будут рвать и клевать до конца жизни, и прощения
не будет! Хоть ты засыпь жену после этого дорогостоящими подарками, пощады не жди.

Даже если ты убьешь кого-то из ее родни, подожжешь церковь, изменишь Родине, всех
предашь, струсил, отнимешь у чужого ребенка сладкого петушка на палочке, любящая жен-
щина все поймет и все оправдает.

А вот за то, что разделил постель с чужой женщиной, какие бы ты не привел веские
оправдания, вплоть до спасения твоей жизни, тебя будут долбить всегда!

Рождение общих детей положение не улучшит. Женщина и рада бы подумать головой и
забыть об этом твоём нехорошем проступке, но злая ревность всегда ее пересилит. Из-за этого
и совсем можете расстаться, не вытерпит твоя суженая таких мук.

– Да мне кроме Наины никто и не нужен! – наконец возмутился Иван. – Я ей до гроба верен буду!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь! – вмешался Богуслав, – сегодня же не утерпел? Вот то-то же!

– Да там колдовство..., – неуверенно стал оправдываться Ванюшка.

– И про это Наине не рассказывай! Стоял, мол, насмерть! – добавил я. – А то взыск, как и за обычных баб будет!

– А жизнь она длинная, сынок, – завершил передачу нашего личного опыта боярин, – кто знает в какую сторону и на кого с течением времени тебя потянет, тут наперед зарекаться нельзя. Да вон уже и Найка бежит. Коней своей гонкой совсем умаяли, давайте седла на запасных перекидывать.

Не спеша переседлали лошадей, и уже без всякой гонки поехали дальше. Солнце сияло, трещали цикады, ласковый ветерок слегка пошевеливал кусты. Мир стоял на византийской земле.

Печенеги под напором половцев уже покинули причерноморские степи, а новые кочевые владельцы их земель половцы сюда еще не добрались. Русские давно перестали тревожить, своих забот хватало. Турки-сельджуки еще не вошли в полную силу после долгих битв с Византией за Малую Азию. Крестоносцы, которые возьмут Константинополь через сто лет, зародятся только этой зимой и долго будут помогать Византии биться с сельджуками. Норманны, обосновавшиеся в Италии, выдохлись, воюя за императорские земли на Балканах, и сидели тихо.

Да, втесаться в какую-нибудь местную войну, нам было бы вовсе не с руки – своих забот полно. Слава Богу, сейчас мир и покой. Мы не особо торопились, метеорит к нам больше не летит, но старались и время зря не тратить – не переменялась бы обстановка к худшему.

Вдруг что-нибудь произойдет с бывшей королевой Анной? Ополчится против нее святая церковь, ткнет ножом убийца, подосланный давнишними врагами или завистниками, и Полетту враз вышибут из монастыря. Куда она подастся? Родители тут же силком выдадут замуж, и она, не желая жить с нелюбимым, утопится перед самым нашим приездом – разводов бывшая Анастасия не признает. А не пойдет домой, ищи-свищи ее по всей Франции.

Поэтому на нас на каждого было куплено аж по три коня, прямо как у кочевников каких. Простой метод разделения лошадей по принципу «твое-мое» Богуслав упразднил, и их общим табуном гонит умница Марфа.

Каждому коню в гриву Наина вплела цветную ленточку, и мы их хорошо отличаем: устали красные, пересаживаемся на синих, заморились под седоками синие, перекидываем седла на желтых. И под каждым из нас постоянно свежий конь – вот и едем достаточно быстро.

В ожидании подачи блюд на ужин в совсем уж захолустной харчевне с грязноватым и нетрезвым поваром – полового здесь не было вовсе, а грязнуля-кулинар к тому же еще оказался хозяином трактира и постоялого двора, Ваня поинтересовался:

– Мастер, Наина говорит, что тебе пригрозили моей смертью, если вы перекроете ручей, а ты отговорился какими-то мойрами, а угрозами пренебрег. Это правда?

– Конечно. Только если бы речь шла действительно о твоей жизни, я рискнуть бы не стал, а поискал бы какой-нибудь другой путь для твоего освобождения. Но наядя сломалась первой, испугалась возможной гибели и организовала твою выдачу. И слава Богу! Ты же тосковал и мучился там без Наины? – тут я подмигнул парню.

Иван у нас с неба звезд, конечно, не хватает, и пороха не выдумает, но отнюдь не глуп. Поэтому ответ был правильный:

– А как же! Куда ж я без любимой! – после чего Ная расцвела и прижалась к плечу мужа.

– Но вот скажи, откуда ты узнал про этих мойр? – недоуменно спросил Богуслав, – залезть же в Интернет у тебя явно не было времени.

– Где-то читал раньше, а потом благополучно забыл. Но в минуты опасности моя память неожиданно в нужные моменты обостряется, такое выдашь, чего вроде и не знал вовсе.

– Поэтому ты таким умным и кажешься! – блеснула утонченным интеллектом Наина.

– Хотя на самом деле таковым не являешься, – завершил ее блистательную мысль я. – Так что ли?

Мы втроем расхохотались, а Ная, поняв, что сморозила глупость, заалела, как маков цвет. Носи не стаптывай! – как будут говорить в далеком, очень далеком будущем.

– Ты лучше мне скажи, как же тебе под водой удавалось дышать? Или у вас в роду это необычайное умение было развито?

– Да где там, – отвел неуместные подозрения Иван. – Вначале чуть было не задохся, а потом будто кто-то провел рукой по голове, и задышалось свободно.

Ревность Наины вновь полыхнула буйным цветом.

– Кто провел?

– Не знаю, вода очень мутная была.

Вот оно как! И не нужно хитрых аквалангов и их баллонами с дыхательной смесью, не надо выдумывать необычайно сложные операции для получения Ихтиандров, не надо в гено-тип человека добавлять рыбные гены. Кто-то из младших богинь просто провел над Ваниной головой своей шаловливой ручкой, и дыши под водой свободно новый двоякодышащий гость подводного царства, названный брат Садко.

Остаток этого дня и весь следующий прошли без приключений. Вот этак бы спокойно и протрястись до Франции, а там тишком и ладком да за свадьбу побратима взяться.

Интересно, а как жених с невестой с венчанием обойдутся? Богуслав, пусть и плохонький, да все-таки православный, а в том краю наших церквей и попов, поди, днем с огнем не сыщешь. А вдруг Полетта рьяная католичка, ее тогда в православный храм на аркане не затащишь. Или эта проблема в 11 веке еще не очень остра? От разделения церквей всего ведь лет сорок прошло, может еще не озверились христианские священники друг на друга, не начали наускивать на религиозную вражду прихожан. Ладно, во Франции разберемся, вникнем в этот вопрос. Может и лучше девчонку увезти не венчаной на Русь? Там она поменьше ерепениться будет.

На следующий день я заметил, что местность делалась все более лесистой, жиденькие рощицы постепенно переходили в лесные массивы. Да и люди стали иначе выглядеть внешне. Исчезли курчавые греки и гречанки в хитонах, по дороге стали встречаться тоже черноволосые мужчины и женщины, но с прямыми волосами. Да и цвет волос был иным, с каким-то несвойственным грекам отливом.

Мужчины в основном были смуглые, губастые, с каким-то особенным разрезом глаз и довольно-таки пузатые, в основном небольшого роста. Женщины полнотой не отличались, но поголовно имели выраженную грудь и широкие бедра, крепкие лодыжки. Это наводило на мысли о мощности ног и повыше.

Примерно также мыслил и Богуслав.

– Что-то тут бабы какие-то сисястые и ляжкастые, да и одеты слишком нарядно, как-то не по-византийски – в яркие сарафаны разных цветов с вышитыми передниками. На головах платки какие-то необычные и тоже разноцветные, наверчено каких-то лент, бусин, монет. Как глянешь, аж в глазах рябит.

А губастые мужики при них поголовно пузаны в каких-то вышитых кушаках и жилетках на белых рубахах. А портки вообще с какой-то тесьмой – смех, да и только! Волосы у них гладкие и блестящие. Это что за народность такая?

Я с вечера проглядел Интернет про наш маршрут, изучил картинки, и мог ответить более-менее уверенно.

– Это, Слав, дружественный нам народ болгары или булгары, зови как хочешь.

– Что-то не очень они на Волжских Булгар похожи, – усомнился боярин, – какие-то другие.

– Они тут не одну сотню лет живут, и все это время смешиваются со славянскими народами. Постоянный прилив близкой нам крови в их породу идет. Да и греки свой шанс не упускают.

– Православные? – продолжал вникать Богуслав.

– И уже давно. Да и языки наши сходны, хотя понять их бывает нелегко – слова, вроде те же, а значение совсем другое. Они и себе, и нам азбуку и письменность придумали, Кирилл и Мефодий отсюда выходцы.

– А какой сейчас у них тут царь правит?

– Завоевала их Византия почти восемьдесят лет назад и все их царство разогнала. Они уж бунтовали вместе с сербами несколько раз, но имперскую мощь не осилили. Сейчас они захолустная провинция Византии, правит присланный из Константинополя наместник – стратег. Народ и Византии налоги платит, и местные бояре обдирают как хотят.

– Стратиг вроде как стратег в Херсонесе?

– Именно.

– И долго им эту неволю терпеть?

– Да еще почти сто лет.

– Н-да, невесело им тут живется...

– Ладно, постой пока тут, а я вон в лесок сбегая, слегка облегчусь.

– Беги, я подожду.

Лес был какой-то смешанный. Стояли и дубы, и ясени, и липа. Привычных березы с осиной видно не было. Один дуб уж очень был величав, верхушка уходила в небо.

Только я сделал свое быстрое дело, как вдруг из-за кустов на бреющем полете вывернулась здоровенная птица, зажимавшая в лапах тушку зайца-русака. Размах крыльев был не меньше двух метров. Громадина плавно спланировала на нижнюю голую ветку дуба-великана.

Что ж это за болгарский орел лесной? Зайца заботливо пристроили на ветвь, птица пристроилась поудобнее, и на меня уставились большие круглые ярко-оранжевые глазищи с бровями из перышков над ними. На голове торчали вверх и немного вбок своеобразными ушками более длинные перья. Летун имел серовато-охристый цвет на голове и плечах, и там же был расчерчен продольными черными пестринами, переходящими на более светлую грудь каплями, а потом спускающимися на бело-серое брюхо тонкой поперечной рябью.

Ба! Да это же филин! Чего это его днем-то на охоту вынесло? Ночью зайца трудно изловить? Впрочем, сегодня пасмурно, солнцем мудрую птицу не ослепит. Почему-то во всех народных сказаниях подчеркивалась мудрость именно филина, а не совы или сыча какого-нибудь.

Филин вдруг взялся перетаптываться оперенными лапами на ветке, топорщить крылья. Не нравлюсь я ему что ли? Бойтся тушку зайца украду? Вдруг птица вытянула ноги, хотя так-то с метр в высоту была, выгнула вперед туловище и низким голосом двусложно заухала. Потом прохотала раз пять, заплакала, чего-то коротко прогудела, и с минуту оглашала окрестности различными заунывными криками. Самку, что ли кличет? Да вроде не сезон...

Птичий язык я сроду не понимал, это вам не собаки и не лошади, но из озорства крикнул:

– Не понял! Повтори! – надеюсь за наглость он глаз мне не выклюет?

Самое странное, это то, что филин меня будто понял. Опять поперетаптывался, снова вытянулся и повторил свою кантату один в один.

Музыкальная память у меня всегда была великолепная и при просмотре в телевизоре передачи «Угадай мелодию», я всегда определял песню раньше участников. Включая даже ее исполнителей. Вот и сейчас я был уверен в абсолютно точном повторе.

Смутные подозрения закрались мне в душу. Может он и верно чего толковое хочет сказать? Что-то важное?

Вдруг проснулся мой толмач-переводчик с любого языка и сбивчиво заговорил:

– За тобой... скоро начнет охотиться грозный враг... без перевода, ночью... и в пасмурные дни... без перевода, я... попытаюсь... прикрыть... без перевода, убивать тебе... без перевода, дерево не найти... без перевода, это ищи сам... без перевода. Увидимся... без перевода, дай имя... без перевода, зови ночью... без перевода.

Пока я, разинув рот это слушал, филин сгреб зайца и улетел понизу, держась прямо над кустами.

Я, ошеломленный беседой с мудрой птицей, было побрел в другую от дороги сторону, но потом встряхнулся и быстро вышел к своим спутникам. Они уже скопились в одну кучу и ожидали меня со встревоженными лицами.

– Мастер, ты куда пропал? – обрадованно затараторил Ванька, – все нет тебя и нет, мы уж на выручку бежать хотели – вдруг на тебя там волки накинудись, а ты отбиваешься в одиночку! Еще филин этот, зараза, то заушает, то захохочет, это днем-то! Явно не к добру! Беду, поди, какую-нибудь предвещает!

– Насчет филина, это ты угадал, – ответил я и пересказал свой разговор с пернатым другом.

Народ обалдел! Пауза после моего сообщения длилась минуты две. Обмысливали.

Потом Богуслав начал говорить.

– Надо же, оберег сам на тебя вышел, да еще и помощь посулил... Невиданное дело! Обычно это мы, волхвы, выбираем роду оберег и сообщаем о нем только его главе.

Есть, конечно, легенды и сказки о встретившихся в глухом лесу громадных волках, которые помогали главному герою, а потом делались оберегами его рода, но живую ни я, ни мой учитель, таких счастливых людей не видали. У каждого рода обереги-хранители наследуются с деда-прадеда, сотнями лет, новых, при разделении рода на ветви, выбираем им мы и никакие звери в этом давно уже не участвуют.

А про птиц скажу сразу: всякая пернатая мелочь, все эти синички-воробушки, здесь не чирикают. Сейчас год вошел в чертог Лебеда, это с 3 ноября по 24, и правит в это время богиня Макошь, она управляет созидательной силой на Земле и не дает причинить ей крупный вред. Поэтому и был избран филин, она ему хозяйка. Филин, это самая крупная сова, оберег от злых сил, защитник от них. Особенно ночью. В черниговских землях его за это даже пугач зовут – ибо он всякую мразь от человека отпугивает.

– Мой учитель, волхв Добрыня, считал, что меня перебросила из 21 века сюда, в 11, именно Макошь, – вспомнил я.

– Возможно, – согласился Богуслав, – Добрыня из старших волхвов, побольше моего знает, да и умеет. Незадача в другом: кто на тебя решил поохотиться? Это однозначно не черный волхв, их белые старшие после нашей победы над Невзором в ежовых рукавицах держат и наш путь до сих пор внимательно отслеживают, и не зверь дикий, не водится тут таких разумных зверей, похоже нечисть какая-нибудь, но кто? Чем защищаться?

– Лучшая защита от нечисти, – высказал я свою точку зрения, – это образок Богоматери. Он у меня на груди вместо крестика висит. Ее защиту я еще в прошлой жизни почувствовал, и я в него верю.

– Расскажи, мастер! – заинтересовался Иван.

– Поводились как-то ко мне в снах аккурат в полнолуние какие-то злые существа являться, нечисть зримая. Утром встаешь разбитый, а еще работать целый день, а часто и ночь, людей лечить, голову ясную надо иметь.

Думал, уработался, всякое бывает, попробовал водкой залить, еще хуже стало. Поставил в своей комнате икону Семистрельной Божьей Матери, всю нечисть как ветром сдуло. Вот и в

вашем веке приобрел серебряный образок себе на грудь, и горя не знаю. Так что с этой стороны ко мне ходу нету, какая-то другая опасность подстерегает.

Мне надо бы по Интернету полазять, с Полярником посоветоваться.

– Вон на пенек присядь, – одобрил мое решение Слава, – дело-то, может и не быстрое. Наверняка и наищешься еще, всяко бывает, когда что-то неведомое нужно сыскать.

Мы с Бобом увлеченно взялись за работу. Обычные люди и оборотни отпали почти сразу – не осилить им меня. Явную нечисть отпугнет моя искренняя, а не показная вера в образок Божьей Матери – это резко усиливает его действие.

Остались упыри, вурдалаки и ведьмы. Упирь далеко от своего кладбища не отходит, значит тоже отпадает; Пелагея не высунулась, значит ведьмы тут не у дел, она все-таки Большая Старшая, это вам не хухры-мухры, дело понимает; остаются только вурдалаки, которых в Европе зовут вампирами.

Кровососам-то я чего сделал? Какую их кривую дорожку перешел? Я в них сроду и не верил, считал выдуманными писателями да киношниками персонажами. У гостей из будущего кровушка что ль послаще, чем у тутошнего населения? По этому поводу никаких подсказок в Интернете не было.

Из вампиров я помнил только Влада Дракулу. Нашли его махом. Володарь, то есть князь Валахии. Валахия за сотни лет неоднократно меняла свою юрисдикцию – была частью то Венгрии, то Румынии, то Молдавии. Реальная историческая личность Влад Третий Дракул, а позднее Дракула, что значит Дракон, по кличке Цепеш, появится только лет через триста от сегоднешнего 11 века.

Звание Дракул, как рыцарь ордена Дракона, получил совершенно открыто и официально из рук короля Венгрии вместе с соответствующим золотым медальоном еще его отец, Влад Второй. Позднее и Влад Третий тоже пошел по этому пути. Никаким вампиром сынок скорее всего и не был, это художественный вымысел Брема Стокера, но то, что население тех мест боялось вурдалаков как огня, это неоспоримый исторический факт.

Изучил карту, узнал, где эта Валахия сейчас по отношению к Болгарии. К сожалению, в двух шагах.

Потом на пару стали изучать, как можно извести вампира и чего кровососы реально, а не в художественных книжках и фильмах разных выдумщиков-авторов бояться. Отпугнуть чесноком – это общепризнанно, тут споров нет. Боязнь солнечного света – аналогично. Забить в грудь осиновый кол, а после для верности отрубить голову – испытанная практика. Святая вода и распятие оставят на вампире ожог. Очень хороша серебряная пуля в сердце и для оборотня, и для вампира – убивает на раз, да только пулять не из чего – не изобретен пока порох и не существует пистолетов. Даже и здоровенной фузеей или мушкетом на ножках не обзаведешься. Можно просто привязать к какому-нибудь столбу и сжечь, но ведь не дастся этот паразит.

Теперь разберем эти позиции по отдельности. Вампиры бывают истинные, то есть рожденные родителями-кровососами, или обращенные, то есть сделанные из обычного человека.

Истинные вампиры вновь обращенных делают крайне редко, уж слишком много с новичками лишней возни. Первое время они только засвечивают наставника своей необузданной жадной крови, да влипают в разные неприятные истории. Чаще всего приходится всю эту молодую поросль бросать на расправу местному населению и побыстрее уносить ноги из обжитых мест. Художественные истории о бандах вампиров не более чем вымысел.

Запах чеснока, конечно, любому вурдалаку крайне неприятен, но едят же люди в Юго-Восточной Азии выросший во влажных тропических лесах жутко вонючий фрукт дуриан, и ничего. Местные жители говорят: запах дуриана рождает видения ада, а вкус – райское наслаждение. Воротят носы и охотно пожирают – уж больно вкус хорош. Так и тут: если вампир наметил в жертву тебя и только тебя, хоть питайся одним чесноком и обмажься им с головы до ног, ты обречен.

Как выманить вампира под солнечный свет и продержат там неопределенное время – совершенно непонятно. Наверняка на меня будет охотиться истинный вампир, никакой не молодняк, а они чертовски живучи, и под солнцем смогут прожить довольно-таки долго. Конечно, будут ожоги, да только ткани этих тварей махом регенерируют – на следующий день кровосос будет как огурчик. Да и не нагишом же они выходят на охоту, а ожоги лица и рук это для них пустяки, мелочь, не заслуживающая внимания.

Осиновый кол – это просто замечательно! Только вампир очень быстр и дьявольски силен. То есть скорее всего он от твоего удара просто увернется, выдерет кол из твоих рук и тебе же им и надает по глупой голове, прежде чем насладится вкусом твоей крови.

Значит, надо искать его днем, спящего, и найдя, вколотить лесину в район сердца с одного удара – нанести второй он тебе уже не даст. Где его тут сыщешь, если вампир нас будет преследовать, а не почивать в уютном гробу, о расположении которого каждая собака знает, просто местные бояться с вурдалаком связываться? Да чего-то и не приметил я осину в болгарском лесу – то ли вовсе не растет, то ли крайне редка, а заниматься скрупулезным изучением местной флоры мне совершенно некогда.

Распятие даст только небольшой ожог. Конечно, если им быстро размахивать, врага это отпугнет, но боюсь ненадолго. Святая вода проймет вампира до печенок только в случае если его в ней долго купать, что нереально.

А вот про серебро можно и подумать. Но не глупости, вроде бросков крупных серебряных пуль в лоб кровососа руками, а про реальные вещи, вроде серебряного кинжала. Быстренько ударил им эту пакость в сердце, и пока он ослаб, обычным прочным железом отрубил ему башку. А на прощанье все останки сжечь. Надо посоветоваться с опытным Богуславом, он-то уж видал всяческие виды.

Пора вылезать на свет божий. Боб на прощание издевательски выкрикнул:

– Возвращайся с победой! Высоси сам гада до последнего!

Тьфу на тебя, паскуда инопланетная!

Изложил ватаге всю полученную информацию. Ваня тут же спросил:

– Мастер, а правду говорят, что вурдалаки в зеркале не отражаются?

– Мне без разницы! У меня и зеркала-то никакого нету. Как увижу кого с бледной рожей, приглядывающегося к моей шее, так враз серебряный кинжал в руку и возьму.

– Все это ты верно говоришь, и я с тобой согласен, – сказал Богуслав, – только серебро слишком мягкий металл, и таким кинжалом хорошо не ткнешь – клинок погнется. А ничем потверже заменить серебро нельзя? Может какой сплав меди с другим металлом подойдет, и здешние кузнецы его знают?

– Чистое серебро в таком деле заменить ничем нельзя! Никакую бронзу на его место не поставишь. И у нас делали достаточно прочные серебряные ножи, в каждой зажиточной семье они были.

– Так-то у вас..., – негромко отозвался Слава, и я осекся.

Несравнимые технологии, разделенные сотнями лет работы металлургов, химиков и прочих специалистов, которым сейчас даже и названий-то еще не придумано... А я, глупый и нахальный осел, взялся сравнивать серебряные изделия 21 века с похожими из 11! Ладно бы сегодняшних новгородских кузнецов приплел, другое дело. А у нас! А у нас в квартире газ!

В Интернете очень любят писать: это делали по неизвестной нам технологии, которая сейчас, к большому сожалению, утеряна... А о чем сожалеть-то? Сейчас тот же самый результат, а зачастую и гораздо лучший, просто получают иначе, вот и все. Дамасская сталь? Замечательна! Булат? Великолепен! А сверхпрочную броню танка из них не изготовишь, и на обшивку космического корабля их непустишь.

А Богуслав между тем продолжал.

– После твоих речей я вроде бы разобрался, чего тебе филин проухал, а твой толмач перевести не смог. Грозный враг – это вампир. Дерево не найти – это он про осину. Это ищи сам – видимо про серебро, и как его изготовить. Дай имя – надо дать филину собственное имя для призыва, чтобы он на слово «филин» просто так не прилетал.

– Ну пусть он будет Филя, – как-то растерянно выбрал имя я.

Из чаши молнией метнулась черная тень, громадная птица опустилась на мое правое плечо и заклекотала.

– Пусть будет так! – гораздо уверенней заработал мой переводчик. – К серебру добавь стержень из железа, не ошибешься. Тебе вампира больше ничем не убить. Срочно я сам прилечу, а если просто решишь посоветоваться, лучше зови ночью. Будь осторожен, враг стар, силен и очень хитер. И близко, очень близко.

Филя еще потоптался, видимо подождал новых вопросов, не дождался, взмахнул крылами и унесся назад в чашу, наверное, зайца доедать.

– Рассказывай скорей! – рявкнул Богуслав, переводчик которого не только речь птиц, а и языка животных не понимал, и из-за этого не переводил. В общем, устаревшая модель.

Наина тоже разбиралась только в человеческих наречиях. Я быстренько изложил суть общения. Слава задумался.

– Слишком быстро он на твой зов прилетел, – высказал свою оценку волхв, – неожиданно быстро. Да и говорил слишком сложные для обычной, пусть даже и мудрой, птицы вещи. Его клекотом сама Макошь вещает. Это она тебя охраняет и бережет, пусть даже и через этого филина. Имя его всуе не произноси! Не отвлекай богиню от ее забот!

Совет нам даден. Я понял, как серебряный кинжал выковать. Деревенские кузнецы не справятся, надо в ближайший город поторапливаться, враг, видать рядом, а тебе и отбиваться-то нечем. Нам скорее даже не кузнец нужен, а златокузнец. Где тут ближайший город?

Я сверился с картой Болгарии 11 века.

– Ближайший Хасково, еще два дня пути.

– По коням! – скомандовал Богуслав и дальше мы просто понеслись, не останавливаясь даже на обед.

Зато на ужине отвязались от души. В крупном селе, где мы решили заночевать, харчевня была как обычно при постоялом дворе. Нас встретила возле входа крупная женщина. Лица было не рассмотреть, сгущались сумерки. Вместо свечи у нее в руках еле-еле светил жалкий огарочек. Мы завели лошадей в конюшню, Богуслав распорядился насчет обильного корма все той же тетке, и мы, прихватив Марфу и сумки, отправились поедать болгарские разносолы. Вещи свалили пока в угол, на постоялом дворе побывать еще успеем, а есть уже хотелось невыносимо – шутка ли, целый день не жрамши скакали.

Тут вдруг Ваня, услышав понятные слова от переговаривающихся болгар, коротающих вечеров в корчме за стаканчиком вина, возомнил себя мудрым знатоком местного наречия и взялся сам делать заказ. Мы с Богуславом весело переглянулись и решили пока не вмешиваться, пусть паренек на своей шкуре прочувствует, какого это – заниматься делами на неизвестной, хотя и дружественной земле, не понимая толком местного наречия.

Попытавшуюся вмешаться и помочь Наину, муженек грубо оттолкнул словами:

– Женщина! Не мешай! Мужчина сам говорить будет!

Экий тиран в душе оказался! А то все строил из себя смиренного подкаблучника.

Ная надулась и перестала вмешиваться в заботы суженого. Богуслав поднял вверх указательный палец и назидательно произнес:

– Жена да убоится мужа своего! Почаще читай Библию, женщина, ты теперь православная!

Наина на это только фыркнула и перестала общаться и с гнусным старичиной. Библию она читать явно не рвалась. Еще добавил масла в огонь по совету Полярника я цитатой из еще не написанного «Домостроя»:

– Дурно, если жена блудит, бражничает и водится с волхвами!

Фыркание перешло в злобное шипение – с чувством юмора у нашей единственной дамы было явно туговато. А ведь именно мы с Богуславом и есть те самые запрещенные волхвы.

Слава взялся уточнять, откуда я это взял. Уточнил.

– Книга 16 века, об установлении порядка в семье и домашнем хозяйстве. Менялись порядки на Руси, вместо многочисленных князей стал править единый царь, а церковь все так же не могла известить волхвов. Так что не горюй: самое меньшее 500 лет у нас с тобой в запасе еще есть!

А Ваня в это время уже пытался сделать заказ полноватому болгарскому половому.

Тот для начала спросил, видя наши чужие одеяния.

– Говориш ли балгарски?

Ну это мы все поняли без всякого перевода и покивали. В Болгарии это жест отрицания, но официант был опытный и понял, что имеют ввиду иностранцы.

Затем половой быстренько перечислил немногочисленные в корчме сельской местности кушанья, а Иван, не вникая, что это и из чего это сделано, на все говорил:

– Да! – и гордо поглядывал на нас: вот, мол, я как могу! Не уступаю ни в чем старшим.

Это слово, слава Богу, у наших народов совпадало. Так наш орел заказал неведомые нам баницу, сарми и капаму. Мы с боярином ласково улыбались – с голодухи все попрет!

А затем пошли непонятки и разночтения. От кокошек Иван резко отказался, приняв это за местный вариант известного слова:

– Не! Какашек нам не надобно!

Половой его опять понял, близкий же все-таки язык, а мы с Богуславом неизвестными кокошками пренебрегли, и так нажремся.

А разночтения все нарастали и нарастали. Кельнер хотел сообщить, что сейчас подойдет старшая сестра и подаст еду, но по-болгарски это звучало как-то так:

– Сега ще дойде по-голяма сестра. Кака подаде храна.

Ванька сразу отозвался, памятуя о бешеной ревливости Наины:

– Нет, голых сестер нам не надобно! И свои как можешь оставить при себе!

Тут половой впал в прострацию, тоже ничего не поняв, а мы, перебивая друг друга, хором разъяснили молодцу ситуацию.

Ваня тут же вырулил привычным для себя образом:

– Мастер, ты разберись сам, а то у меня как-то не очень получилось...

Ну что ж, паренек принял единственно верное для себя решение. Доверить заказ женошке, она потом оттопчется на бестолковом супруге вволю, Богуслав наиздевается от души, а я, как обычно, улыбнусь и все быстренько улажу.

Половой медленно пришел в себя и сразу спросил:

– Никой говориш ли балгарски? (Кто-нибудь говорит по-болгарски?)

Я взмахнул рукой, и общение пошло по привычному для нас руслу.

Баница оказалась пирогом из тонкого теста с начинкой из брынзы – пирогов давно не едали!

Сарли это почти обычные голубцы – поедим!

Капама это смесь из разного мяса: свинины, говядины, курятины, пожаренная вместе с зеленью и обильно сдобренная специями. Ну на этом мы уже обжигались в армянской харчевне, и я попросил положить специй самую малость. Мы русские, а не южане и много остроты в пище не переносим.

На окончание ужина заказал и кокорешки – это всего лишь особым образом приготовленные цыплята. На закуску пойдут!

А пока суть да дело, заказал молодым для примирения неведомое мне красное вино, гарсон его очень хвалил, а нам с боярином велел принести чего-нибудь покрепче. Ну и что-то легкое закусить.

Выдали фрукты и отбракованные Иваном кокорешки. Налетай, братва! А нам, боярам, как нас обозвал болгарин, были предложены два вида ракии, про которую мы с Богуславом не знали вообще ничего. Велели принести на пробу по небольшому стаканчику зелена вина, а мы уж тут разберемся.

Было выдано что-то вроде сорокаградусного хереса, настоящего на травах. Считай, та же водка, вид сбоку, точнее из Болгарии. Толька одна выгнана из диких груш, а другая из кизила. Кизиловая была гораздо приятнее на вкус, и легче пилаась, чем грушовка – видать травки были подобраны более тщательно, или кизил более удачная основа для браги, сказать трудно. Выслали официанта за уже разумным количеством именно этого крепкого спиртного. Велели выдать Марфе изрядный шмат сырого мяса.

Выпили, закусили. Вернувшийся половой, его звали Пламен, обрадованный появлением новых посетителей, говорил без умолку. Он тут же объяснил причины своей говорливости. Общение с завсегдатаями, которые все были из сельчан-земляков, давно прискучило. Да и о чем новом можно поговорить с человеком, которого знаешь с детства и видишь практически ежедневно?

Животрепещущих новостей нет, яркие события редки. Годами обсуждаются темы, вроде плохого урожая за оврагом, и в сотый раз пересказывается набившая оскомину история о том, как злой соседский Шарик цапнул за ногу случайно зашедшего на их двор пьяненького Красимира. Даже приврать для красоты изложения не удастся! Вот он Красимир, сидит тут же, и неспешно потягивает белое винишко.

Конечно, очень долго блистала история об ушедшей вместе с прохожим бродником бобылке Румяне, жившей на отшибе от остальных изб, но на второй год умаяла и она. Ну сколько можно обсуждать, что за люди эти бродники, и какая у него была здоровенная сабля и невиданной длины усищи? Устали горевать об ушедшей безотказной бобылке, к которой так приятно было забежать вечером, а если сумеешь изловчиться, то и днем, втайне от жены.

Покрасоваться какими-то особенными знаниями тоже не удастся. Все уже обговорено и рассказано неоднократно, и никакого интереса ни у кого не вызывает.

А тут на тебе! Абсолютно новые люди! И слушают тебя охотно, глядишь и сами чего расскажут. И эти люди прибыли издалека, проехали тысячи верст, вон даже коней у них по трое на брата. Да еще волокут с собой шустрюю вертлявую девицу для неведомой надобности. А тут двоюродный братец Георгий, вон он кстати сидит, в кои-то веки выбрался в ближайший городишко, так уже месяц только об этом и рассказывает.

А узнать что-то новое про Русь всегда кстати. Как здесь чего кровавое начнется, ну вроде того, как византийцы уже не раз затевали – режут всех подряд, чтобы вместо продуктов деньгами подати получать, или нанятые ими норманны рубят всех, кого не лень, подавляя очередной бунт, так народец и бежит на русскую землю: отсидеться, переждать лихое время, а то и совсем там обжиться.

Мы кратенько изложили про порядки на Руси, обсудили цены здесь и в Византии. Разброс цен поражал. То, за что на имперской земле драли втридорога, здесь в колонии, стоило гроши.

Сразу стала понятна установка Британской империи постоянно завоевывать новые колонии в 19 веке. То ли ты, обычный британец, глотнешь пивка пополам с туманом в привычном пабе родной Англии и с тебя сдерет за это немало полновесных пенсов волосатой ручищей грубиян-бармен, а совсем другое дело, когда ты, полноправный подданный великой империи, над землями которой никогда не заходит солнце, отвалеешься целый день где-то под лучезарным

тропическим солнышком на бескрайних пляжах Багамских островов и уже вечером посетишь местную таверну с раболепно гнущейся туземной обслугой, выпьешь славного местного рома, нажрешься вволю омаров, кальмаров, да и просто всего, чего хочется, и за это все отдашь какой-нибудь жалкий фартинг, составляющий всего четверть от пенни. И все будут счастливы и начнут тебя просто боготворить за твою неслыханную щедрость. Колония, сэр!

Затем Пламен стал рассказывать про виноделие в Болгарии. По ходу беседы периодически появлялась с кухни дебелая кака, встретившая нас возле конюшни, и приносила все новые кушанья. Женщина была уже в годах, крупная, с приятным лицом и похоже очень добрая. Звали ее Ванча.

Другая бы тут же погнала бездельника братца, удобно устроившегося сидеть на придвинутой к нашему столику табуретке за жраниной для гостей скачками, а эта только ласково улыбалась, глядя на разглагольствующего лентяя. Пусть малыш (лет тридцати самое меньшее!) потешится.

А Пламен красочно и эмоционально излагал историю давнего промысла. Выращивать виноград на этих землях начали еще изначальные жители – фракийцы. Они же стали изготавливать и первое вино.

Завоеватели-булгары эту затею не бросили и резко увеличили количество виноградников. Тут количество изготовленного вина превысило все мыслимые пределы. Это длилось до той поры, пока повальное пьянство подданных не обозлило хана Крума, и он не повелел двести лет назад вырубить вообще весь виноград в стране.

Сейчас виноградарство потихонечку восстанавливается, но самые лучшие сорта ягоды несомненно растут за монастырскими стенами. Там трудолюбивые и внимательные монахи заботливо ухаживают за каждой лозой.

Только в монастырях выкопаны и обложены камнем прохладные и чистые, а главное, обширные подвалы, где вино хранится и настаивается в больших дубовых бочках годами, а перекисает крайне редко. Вкус и букет монастырского вина очень ценится и поэтому оно дорого стоит.

В селе хороший виноград вырастить крайне трудно, а еще труднее добиться того, чтобы вино не портилось. Поэтому деревенские жители предпочитают гнать ракию чуть ли не в каждом дворе. И делают ее из очень многого. Идут в ход ягоды сливы, абрикоса, винограда, кизила, частенько ставят бродить порезанные груши и яблоки. Стараются выгнать для личного пользования сразу на всю зиму, а то потом будет не из чего.

А мы ели, пили и слушали, какие травки, а иногда и специи добавляют в болгарский бренди. Все это конечно тут же нами позабылось, но слушать было приятно. Вроде как сидишь на берегу ручейка и слушаешь его журчание. Пустячок, но расслабляет и душу тешит.

И тут вдруг заявила с явно неразумными претензиями жена нашего нового знакомого и немедленно взялась размахивать руками и орать:

– Ты, наглый боров! Опять ничего не делаешь! А потом припрешься домой пьяный и будешь врать о том, как устал на работе! Ты, поганая свинья, творишь это ежедневно!

– Но Гуца, я же говорю с русскими болярами не просто так, а для пользы дела! – попытался оправдаться этот ленивец. – Я же все-таки владелец корчмы...

Супруга на эти хвастливые речи аж завизжала!

– Ты только своей глупой рожи хозяин! Тут все золовкино! А у тебя в кармане ветер гуляет! А у курей загородка совсем порушилась!

И не было этому крику-визгу ни конца, ни края...

Мудрая золовка, та что кака, видимо уже имея печальный опыт общения со снохой, только на секунду высунула нос из поварни, и тут же спрятала его назад в недра кухни. Русская поговорка, что лучше девять деверей чем одна золовушка, тут почему-то не срабатывала. Золовушка со скандалисткой явно побаивалась связываться.

Под это визжание мне вспомнился анекдот из восьмидесятых годов 20 века:

Финн – это скандинав и человек, а финка почему-то холодное оружие; канадец – заокеанский мужчина, а канадка короткая стрижка; поляк – представитель соцстраны и человек с большим гонором, а полька веселый танец; голландец иностранец, а голландка всего лишь печка в русской избе, болгарин человек и друг, а болгарка очень дефицитный инструмент. Так почему же москвичка столичная жительница и ловкая женщина, а «Москвич» даже толком и не автомобиль, а какое-то ржавое ведро с криво забитыми болтами?

В ту пору ручная угловая шлифовальная машина, коротко УШМ, предназначенная для резки металла, дерева, камня и шлифовки различных поверхностей, шла только болгарского производства, и советский народ назвал ее «болгаркой». Инструмент, конечно, очень удобный, но при работе издает труднопереносимые непривычным ухом звуки.

Также и тут – визгливые крики женщины действовали на нервы и резали слух. Словом, на ум просился каламбур: болгарка визжала как «болгарка».

– И сегодня в обед ты тоже нашел себе для болтовни о болярах чернеца-собеседника! А он даже еды не взял! Видно просто посидеть, да передохнуть зашел! И денег, из которых твоя получка складывается, монах вовсе не заплатил! О чаевых уж просто молчу!

– Но Гуца, он же Божий человек, дал обет ничего, кроме воды не пить, и съедать единственный маленький сухарик за день, и тот только на ужин, – остерегаясь усиления бабского неистовства, робко прорыл Пламен.

– Все они вас так дурачат! А как доберутся до своего монастыря, так и жрут на ваши пожертвования в три горла, и пьют только дорожное вино!

Я поглядел на Богуслава. Он, в жизни не сталкивавшийся с таким неприкрытым женским хамством, уже грозно хмурил брови.

– Слав, уйми ее, после этакого дня уже без лишнего шума посидеть охота, – негромко попросил я. – Давай хоть доедим спокойно. У меня еще после борьбы с наядами все поджилки трясутся, от мыслей о вампире мозги уж опухли, а тут еще эта крикушка на мою голову навязалась.

– Да и то верно, – злобно цыкнул зубом боярин, – пора уже заткнуть этот гремучий источник.

Я тоже могу некоторых податливых людей загипнотизировать, но Богуслав в этом деле половчей меня будет. Доверимся самому сильному волхву нашей ватаги.

А женщина бесновалась все больше и больше.

– Да он и не болгарин вовсе, этот инок твой! Волосы белесые какие-то, и не смуглый совсем! Ни бороды, ни усов! А им ни стричься, ни бриться вообще нельзя! Откуда он вылез такой?

– Ну, может у него волосы толком и не растут, – вяло отговаривался Пламен.

Тут эту совершенно ненужную дискуссию прервал Богуслав.

– Погляди мне в глаза, женщина..., – прошелестел он как-то совершенно по-змеиному. – Смотри в глаза..., – наплывал волнами его обволакивающий, чарующий и подчиняющий своей воле голос, – смотри, смотри...

Гуца попыталась что-то сказать, но у нее получилось лишь жалко пискнуть.

– Смотри..., смотри..., – сядь..., сядь..., усни...

Я торопливо подсунул под горластую склочницу свободный табурет – а то ведь, пожалуй, плюхнется сейчас со всей дури на пол, поломает какую-нибудь нужную кость, лечи ее потом!

А карие глазенки уже начали закатываться, женщину стало зримо пошатывать, этак она может и мимо табуретки улететь!

Метнулся Гуце за спину, ухватил ее за подмышки и бережно усадил, для устойчивости немного наклонив вперед. Уф, теперь просидит сколько потребуется, не свалится.

Буйная супруга полового уронила голову на грудь, руки повисли вдоль тела, ноги под платьем разъехались. К внушению готова!

Я оглядел харчевню. Не внушаемых, вроде меня, не оказалось – все мужчины тоже сникли и повесили головы, некоторые даже захрапели. Наина с Ванькой не стали исключением. Богуслав начал.

– Гуца..., Гуца..., – слушай меня..., слушай только меня... Спать..., спать... Ты сегодня больше не сможешь кричать, и сразу пойдешь домой...

Мужчин и Наины это не касается..., спать, спать...

Неожиданно из кухни быстрым шагом вышла Ванча. О как! Неужели тоже не гипнабельна? Или просто отсиделась где-то за котлами?

Подлетела к нам, и свистящим шепотом стала молить:

– Ради Бога, уйми ты эту паскуду, чтобы она сюда больше не ходила! Нас уже народ стонуть начал, скоро наша корчма совсем опустеет, по домам собираться начнут, собственную ракию пить! Всех доняла! Люди у нас уж и кушать почти перестали, сидят, болтают, да прихлебывают славное винишко. Я наготовила опять всего, а и вчерашнее-то девать некуда. Может хоть собачке в полцены возьмете, выручите меня?

– А брату не надо в башку умишка долить? Не слишком ли ленив?

– Невыносимо! Он был поздним ребенком, на пятнадцать лет меня младше. Отец помер очень давно, приструнить было некому, а мы с матерью разбаловали его неимоверно!

Ничего не хочет делать, только болтать с друзьями, да попивать винишко. Матушка умерла в прошлом году, а я за хозяйку здесь осталась. Сама и готовлю, и разношу, и за постояльцами на постоялом дворе приглядываю, и конюшней ведаю. От брата вообще никакого прока нету!

Пламен же вообще ничего не делает, ни к какому занятию его не приспособишь! Обветшало все, везде мужская рука требуется, а он ничего делать не умеет, да и не хочет. А нанимать чужих слишком дорого. И чувствует себя маленьким мальчиком – только и слышишь от него: дай, подай, принеси.

Да еще как на грех женился недавно на самой гадкой девке из соседнего села, а от нее один убыток! Вроде и смазливенькая, и не из бедной семьи, а парни от нее как черт от ладана шарахались – уж больно на характер тяжела! Досидела до 25 лет в старых девках, никто замуж не берет.

Тогда ее родители приданое такое предложили, что аж ахнешь! Наш-то дурень и польстился, повел ее под венец. И теперь вдвоем с ним хлебаем горе полной ложкой, скоро вообще разоримся и по миру пойдем.

Я вдова, взрослый сын ушел в город, счастья поискать. Живу с молодоженами вместе, в одном доме, и с этой Гуцкой лаюсь через день. Ничего, наглая мерзавка, делать не хочет! Ни полы помыть, ни корма птице дать... Никаких моих советов слушать не хочет! А приданого тесть с тещей так и не дали, тоже поганцы еще те оказались...

– Сейчас займусь, – пообещал гипнотизер. – Приструним! А ты, чтобы не мешаться, спрячься-ка опять в кухоньку.

Ванча убежала, а Богуслав продолжил свою деятельность.

– С бабскими чувствами никаких дел лучше не иметь. Тут же ее прошибет мысль, что любимого братца забирают, и она, не рассуждая, бросится на его защиту, – высказал он мне свою точку зрения на присутствие женщины при гипнотическом процессе, не обращая никакого внимания на мирно спящих людей и не боясь, что они что-то услышат и запомнят. – И будет меня просить выгнать невестку, чтобы не мешала людям жить, назад к родителям.

Только все это ни к чему. Ты бы стал, будь ты женщиной, молча терпеть такого ленивого охламона как Пламен? Нет? Вот и она не терпит и орет! Поэтому пусть Ванча тихо радуется,

что ее братишку еще лупить не начали. Другое дело, что кричит Гуца не у места и не вовремя, вот это сейчас и исправим.

И выживать бабенку к родителям совершенно незачем. Ты бы дал кучу денег бесполезному оболтусу, который их заведомо ни в какое выгодное дело не вложит, а просто прогуляет и пропьет с дружками? Что? Нет? Вот и они не дают!

Не за горами ведь появление внуков, а их нужно будет одеть, обусть, выучить, и где денег взять? Только у деда с бабкой!

Отправлять ее домой, значит сделать несчастными отца с матерью, повторно ведь разведенку с таким характером замуж точно не возьмут. Да и сама Гуца будет сильно расстроена, и начнет терзать родителей. А кому это нужно? Поэтому ее просто утихомирим, и все у молодых людей заладится.

Да и Пламен никому не нужен, достаточно уж проявил свою бесполезность в семейной жизни, а за таких ухарей приличных девиц замуж не отдают. Вот и ему сейчас будем тоже мозги в нужную сторону разворачивать.

Начнем! – потер ладони друг об друга волхв. – Ты, Володя, ступай к входной двери. Будете там с Марфой корчму от ненужных гостей караулить – собака снаружи, а ты изнутри.

– Зачем же так? – не понял я. – Выйдем на пару да отгоним от входа кого угодно.

– Это незачем. Враз начнут выясняться, что за человек не пускал завсегдаев внутрь. Потом пойдут ненужные пересуды по ближайшим окрестностям, начнутся глупые вопросы, глупые ответы. Все это Ванче, Гуце и Пламену совершенно ни к чему.

А так все обычно. Не пускала здоровенная собака? Чего ж тут особенного? Она неизвестно чья, то ли приبلудная, то ли у кого-то из жителей соседних сел с цепи сорвалась, всяко бывает. Посудачат пару дней, да и забудут.

Ты, Марфа, никого не души, и не рви, это не нужно, просто пугай и отгоняй страшным рычанием, показывай зубищи. Они таких здоровенных волкодавов по дворам не держат, должны струхнуть.

Заметишь опасное чего – смелый противник за нож или саблю схватился, сбегал за здоровенной дубиной, али еще что нехорошее затеял, не связывайся ни в коем случае, не рискуй! Да и лишняя бойня с последующей оглаской нам ни к чему. Тут же лаем вызывай из кабака Владимира, пусть дальше он сам с ненужным гостем разбирается.

Ты, Володь, строй из себя пьяненького самодура, почаще хватайся за саблю и ори:

Кто такой? Почему не знаю? Назовись! Потом еще чего-нибудь выдумай.

Мне много времени и не надо, а как закончу, так сразу вас назад позову. Да еще сразу извинюсь: мол, парень из особо знатных и богатых русских бояр, как подопьет, вечно буянит, прямо спасу от него нету. Коли сильно обижаться будут, так чтобы не разорались и ненужного скандала нам тут не устроили, выдам им пару серебряных монет. В общем, ступайте.

Мы пошли, а обычно командный голос Богуслава сделался каким-то шелестящим.

– Слушайте все внимательно... Вам заезжие гости предложили добавить в вино тертый корень особенной мандрагоры... Это очень полезно для здоровья... Вы согласились... Со снадобья всех потянуло в сон... Вы спите, и видите сладкие сны... Мужчины гладят ласковых красавиц... Наине подарили кучу нарядов и драгоценных украшений, подвели к громадному зеркалу... Проснетесь, и тех, кто здесь не поел, прошибет дикий аппетит... Тут готовят вкусно..., очень вкусно..., гораздо вкусней, чем дома... Вы меня до хлопка в ладоши больше не слышите... Спать, спать...

Марфа выскользнула на улицу, а я присел на табурет возле двери.

– Гуца, слушай меня... Только меня... Ты теперь будешь жить иначе... Надо чаще советоваться с золовкой Ванчей... Она лучше знает, как вам нужно жить... В корчму пока больше не ходи, не мешай работать... Попросят прийти помочь или подменить кого, беги охотно... Это праздник... Это радость...

Кричать больше не смей... Ни на кого... Обзаводись хозяйством и усердно следи за ним... Перед уходом спроси Ванчу не нужно ли чего сделать по домашнему хозяйству... Тебе надо стать нужной... Старайся... Станешь нужной, будешь счастлива... А теперь поспи, поспи... Проснешься по моей команде, и забудешь, что был чужой приказ... Ты сама, ты все поняла сама...

Пламен, слушай меня... Только меня... Ты теперь будешь жить иначе... Неизбывная жажда деятельности будет наполнять тебя постоянно... Постоянно хочется что-то сделать... Поел, поспал, и вновь за работу... Будешь очень счастлив...

Проснешься по моей команде и забудешь, что был чужой приказ... Ты сам, только сам стал таким... Ты сделался взрослым... Мандрагоры ты в вино не добавлял, тебе есть не захочется...

Богуслав громко хлопнул в ладоши.

– Все проснулись!

Народ проснулся, взялся потягиваться и зевать. Потом как-то разом заговорили, зашумели, начали рассказывать свои сны.

– Ты представляешь, – пришепetyвая горячился один с корявой рожей, – эта прелестница сама, слышишь сама, полезла мне туда!

Его собеседник, тоже далеко не красавец, отвечал, излучая радость всей своей мерзкой рожей:

– А у меня была такая блондинка...

Я позвал назад верную подругу, прошел на свое место (попыток штурма входной двери мы с Марфушкой так и не дождались) и налил себе и Богуславу ракии. Вздрогнули.

Ванька сидел молча, с блаженной улыбкой и, видимо, совсем не слушал Наину, которая торопливо тараторила, аж захлебываясь от переполнявших ее эмоций:

– А какие там были шелка и муслины! А как платья были пошиты! А как драгоценности блистали! А как золото сияло!

Гуца встряхнулась, резво вскочила с табуретки и широко разинула рот, явно намереваясь опять заорать на мужа, но из могучего прежде горла вырвалось лишь жалкое шипение. Она повторила попытку, результат был тот же.

Бабенка упала назад на стул, как-то вся передернулась и жалко улыбнулась. В психологии это зовется ломка динамического стереотипа. Потом тихим голосом спросила супруга:

– Ванча в кухне?

Пламен еще озибался с диким видом, и поэтому ничего не ответил.

– Беги туда, дочка, – поработал за него боярин, – тебе будут рады, – и Гуца отправилась на кухню.

А к нашему столику уже приковылял, опираясь на клюшку, какой-то зачуханный хромым дедок с куцей бороденкой и прошамкал:

– Сынки, продайте хоть чуть-чуть еще вашей мандрагоры! У меня аж там, – он ткнул пальцем пониже живота, – во время сна зашевелилось! А там уж лет десять как стихло все... Я думал, что это мое хозяйство совсем уж негодное стало! Враз добегу домой, может хоть удастся старуху перед моей смертью напоследок порадовать.

– Дед Банчо, – поразился наконец-то очухавшийся Пламен, – ты-то куда? Ты ж, когда еще в 1072 году против Византии бунтовать ходил, и тебя в ногу ранили, и тогда уж далеко не молод был! А с той поры уж больше двадцати лет прошло, я уж и вырасти, и повзрослеть успел.

– Молчи, щенок, – цыкнул на него старик. – Не твоего ума дело! Зелен ишшо!

– Иди домой, дед, – посочувствовал старичку Богуслав, – будет жена рядом, все опять и получится. Вспомнишь, как в юности у вас было, и все как прежде получится. И гляди не спеши! Не дай Бог, упадешь, да здоровую ногу поломаешь, упустишь свою нежданную радость.

– А успею?

– Разумеется!

Дед быстренько ухромал, все-таки опасаясь упустить свой последний шанс. Пламен куда-то умелся следом.

– Может зря ты его в этом намерении укрепил и поддержал? – взялся оспаривать решение побратима я. – Не помер бы дедок от усердия, таких случаев немало. Сердчишко уж поди еле бьется, голова вон вся трясется.

– А ты как сам бы хотел помереть? На взлете, в напряжении всех физических сил и с ощущением счастья в душе, или тихо издохнуть, зарывшись в тюфяки и перины под охи и вздохи домашних? – прищурившись спросил Богуслав.

– Конечно на взлете!

– Вот и помалкивай! Не твоего ума, и зелен ишшо, как дед Банчо говорит!

Мы расхохотались.

– И сам подумай, здесь ведь подолгу новости обсуждают, – подлил масла в огонь Слава, – а что бы ты хотел услышать с того света из этой корчмы о своей кончине? Как с неделю говорят: дед Банчо завонял и в собственной вонии задохся, да от этого и помер, или: такой мужик из жизни ушел! На жену залез, и отправился от усердия в мир иной! – годами поднимая бокалы с вином за твою мужскую доблесть, дожившую с тобой до преклонных лет?

Тут возразить было нечего, и я только развел руками.

Из кухни донесся залиvistый женский смех.

– Как думаешь, с чего там веселье? – спросил меня Богуслав.

– Да, наверное, Гуца удачно золовку придушила и теперь веселится, – предположил я. – Кричать-то она не может, а злоба выхода требует. Вот она ее и того!

Тут Гуца выскочила из кухни и унеслась.

– А сейчас она куда отправилась? Да еще так быстро! – недоумевал боярин.

– В бега подалась, и торопится успеть, пока ее злые поселяне вешать не взяли, – объяснил я.

И мы опять расхохотались.

К нам степенно подошла раскрасневшаяся и счастливая Ванча, присела.

– Слышь, боярин, ко мне сейчас Гуца подошла, и поговорили мы с ней по душам. Ты, говорит, старшая нашей семьи, нас, ленивых дураков, и кормишь, и поишь, не отказывай нам и дальше в добрых и мудрых советах, и поклонилась мне в пояс! Такое отношение от невестки многого стоит!

Потом извинилась за прежние грубости, это все говорит из-за Пламена, очень уж он ее своей ленью и нерадивостью бесил. Она привыкла, чтобы мужчина, вроде как ее отец, от зари до темна какой-то работой был занят, а не бездельничал. Договорились отныне в крепкой узде мужа и брата держать, чтобы работал, как все, а станет отлынивать, жрать ему не давать.

Гуца узнала, чего по хозяйству требуется сегодня переделать, я-то ведь усталая приду, зачем меня дальше умаивать, попросила ее курей покормить. Потом спросила моего позволения у родителей для нас трехмесячного поросенка взять на откорм, чтобы его к Рождеству заколоть, да окороков накопить.

И так близка она моему сердцу стала, будто давно потерянная доченька объявилась! Схватила я ее, к груди прижала, всегда ведь дочку иметь хотела, да не дал Господь! Я чуть не расплакалась!

А Гуца, видя такое дело, сразу взялась шутить чего-то то ли про гусей, то ли про уток, сейчас уж и не припомню, посмеялись вместе. Какая она хорошенькая, когда улыбается! Да и умница видно.

Большущее спасибо тебе, боярин! С сегодняшнего дня ты со своими друзьями в нашей харчевне самый желанный гость, завсегда даром столуешься, ты нам мир и покой в семью принес.

Глядишь, теперь, когда лишние крики в корчме утихнут, и народ к нам охотней заходить станет. Сегодня-то уж ничего не возьмут, вон с какими сытыми рожками все сидят. Всю вчерашнюю еду завтра с собой забирай. Чем захочешь собаку попотчуеть, что не понравится – выбросишь.

– Ты харчами-то особенно не разбрасывайся, сейчас с деньгами немного поправишься, – посулил Богуслав женщине.

Тут вернулся Пламен.

– Где тебя носит? – неласково встретила его сестрица. – Грязную посуду хотя бы со столов пособирали!

– Я в конюшню бегал, лошадям русских к тому овсу, что ты им дала, еще ячменя досыпал. А посуду я сейчас махом соберу, да заодно и вымою!

Глаза Ванчи раскрылись до мыслимых пределов.

– Это ты шутишь так?

– Какие уж тут шутки! Мне это только в радость!

Старшая сестра ухватила для верности за край стола и не сводила глаз с ленивого доселе брата. Таких речей она не слыхала от него сроду!

И тут на посетителей напал внушенный жор.

– Эй, хозяйка! Неси еду, какая осталась! Жрать охота, мочи нет! И винишка побольше, чтобы горло промочить! Да не тяни!

Ванча с Пламеном дружно вскочили на ноги, и на пару метнулись на кухню. Назад, с подносами полными тарелок и бутылок, уже стал бегать только половой, а повариха, видать, едва успевала накладывать. Все это делалось быстро, очень быстро.

Клиенты накидывались на кушанья, как оголодавшие зимой волки. Стояло чавканье, чмоканье, были слышны отдельные проявления эмоций.

– Господи, как же вкусно! В жизни так хорошо не едал! У-у-у, какие кокорешки! Моя баба так не умеет...

Мы уже вроде и напились, и наелись – пора бы и на боковую, но Пламен с Ванчей все усиленно обихаживали гостей, и рассчитаться было просто не с кем. Да и комнаты на постоялом дворе нам еще не были выделены. Хошь не хошь, а с полчасика еще придется здесь поторчать.

Я утомленно вздохнул, и тут меня осенила свежая идея.

– А схожу-ка я с филином потолкую. Надо ж все-таки узнать, чего этот вампир на меня взъялся. Вряд ли уж он невесту откуда из-за моей особо вкусной крови приперся. Может и удастся от него как-нибудь попроще избавиться, о чем-то договориться, не убивая. Пусть вон его местные ловят и изводят как хотят.

– Это вряд ли. Не припомню я, чтобы кто-то с кровососами сталкивался. Но все-таки пошли – вдруг чего полезного и узнаем.

– А ты-то куда? Сиди вон ракией забавляйся, вдруг эти беседы с филином много времени займут.

– А потом я подумаю: эх, слишком много времени это заняло! И пойду искать твою обескровленную вурдалаком тушку. Такую дурость ты иногда скажешь, что просто диву даешься! Воздухом я иду подышать, и отвяжись от меня со своими глупыми вопросами!

Что-то я верно чую какую-то сморозил... И мы пошли подышать свежим воздухом вместе. Марфа отправилась с нами, тоже не спрашивая моего разрешения – что ж, она караульщица от Бога, для того и рождена, чтобы всяких бестолковых овец, вроде любимого хозяина, от любых волков защищать, а то ведь сожрут, как пить дать сожрут!

На вольном воздухе я первым делом осмотрелся. Луна периодически выглядывала из-за тучек, дождя не было, лишние свидетели-селяне рядом не ошивались. Марфа тоже принялась – не крадется ли какая паскуда в ночной тиши.

– Марфуш, враг не человек, и чем он пахнет, неизвестно. Может могильной землей, а может чьей-то свежесосанной кровью, кто ж его знает. Поэтому при появлении любого, слышишь любого! – нового запаха, не раздумывая поднимай тревогу!

– Гав-гав-гав! Ко-неч-но! – не раздумывая ответила Марфа.

Богуслав тоже озираясь, держа руку на эфесе сабли.

– Успеешь клинок-то из ножен вытащить? – поинтересовался я. – Вдруг вражина меня прямо в прыжке за горло цапнет? Много крови он с меня, конечно, высосать не успеет, но ведь и я тоже вампиром стану!

– И что? Оборотень Олег, конюх твой, с нами аж до Херсонеса добежал, и ничего. А каков поп, таков и приход. Раз конюх оборотень, то и хозяин может вурдалаком быть – чего такого-то?

Изумительно спокойное отношение средневековых жителей к непознанному и загадочному меня всегда поражало.

– А вдруг я из тебя спящего ночью кровь высосу?

– А зачем? Лови вон местных, их тут немеряно. Ну на всякий случай первое время отдельно тебя на ночь селить будем.

– Да новообращенные уж очень до крови охочи...

– Ну и что? У нас эти болгарские города и села будут каждый день разные перед глазами мелькать – едем-то быстро. А там пойдут Сербия, Черногория, Хорватия, умается толмач языки менять. А пока до Франции доедем, глядишь и перебесишься, будешь как урожденный вурдалак одного человека в месяц высасывать. Да может еще какую-нибудь свиную или говяжью кровь наловчишься пить, кто его знает, вообще легко жить станет.

– Да что-то все вампиры человечью пьют...

– Так может от того, что скотину потом видно будет – высосана вся кровь, и на вурдалака сразу охоту начнут, а за человека взыска нет: помер и помер, а от чего, бог весть. Зарыли и забыли.

Ладно, хватит балагурить, в городе, кроме серебряного кинжала закажем тебе еще железный ошейник для верности, поносишь – не обломишься, пока эту тварь не пришибем. Зови птицу. Да спроси еще, в одиночку ли кровосос на тебя решил поохотиться, или он с собой еще стаю молодятины ведет.

А мне почему-то вспомнилось африканское племя масаев, с не очень черными людьми, а иногда даже и со светлыми глазами. Они охотно пьют кровь из собственных коров, и это в Африке, где всякого зверья в избытке. А масаи почему-то не охотятся на диких животных, мяса не едят, и хищные звери их тоже никогда не трогают. Хотя, казалось бы, опейся ты этой звериной крови, а корова тебе пусть молоко дает, ан нет! Подавай-ка ты, буренушка, нужную кровушку!

Масаи, конечно, никакие не вампиры и не каннибалы, чего на них зря клеветать, но именно эта кровь им для чего-то позарез нужна... И даров цивилизации они ни в какую не приемлют, как были полукочевым народом, считающим себя исконными хозяевами всего скота и всех диких зверей на Земле, так им и остались. Львы, которых зовут царями зверей в других местах, на землях масаев в этом тоже постоянно убеждаются.

Убивать льва юноши отправляются в одиночку и с одним копьем, чтобы доказать свое право считаться воином и мужчиной. И крайне редко громадный хищник выходит из этого поединка победителем даже и в 21 веке...

Может и я необходим здешнему вампиру, как именно та африканская корова масаю? И заменить меня другим человеком просто невозможно? Может только моя кровь, насыщенная остатками антибиотиков из выращенного в 21 веке скота, океанскими токсинами, накопившимися в пойманной рыбе, получившая напоенные гербицидами и удобрениями с полей растения, ненужные мне хлоры и тяжелые металлы из водопроводной воды, надышавшаяся

формальдегидом и прочей дрянью из воздуха, сделалась за счет неведомых в 11 веке веществ панацеей от какой-то смертельной вампирской болезни, а кровь местных людей бесполезна, ибо слишком чиста? Кто знает... Так может именно Макошь и знает? Вот мы сейчас филина и спросим!

– Филя! Прилетай! – громко оповестил я.

Прошло минуты три, и в воздухе звучно захлопали большие крылья – летит пернатый друг!

Филин уже привычно устроился своим крупным телом на моем плече и проухал:

– Спрашивай!

– Скажи мне, почему вампир охотится именно за мной? Чем моя кровь ценней крови других людей?

– Ничем! – как-то курлыкнул филин.

Н-да, попробуем еще один подход...

– Может я ему где-то напакостил, помешал жить?

– Нет!

– Так в чем же дело?

В ответ Филя ухал довольно-таки долго, а толмач помалкивал. Неужели сосем ничего перевести не может? В такие сложные хитросплетения вампирской психологии я пытаюсь залезть?

Нет, все оказалось гораздо проще: переводчик ждал полного и окончательного изложения ответа. Наконец дождался и полилась связная речь.

– Вампир, которого зовут Мирча, специально прибыл из Валахии, чтобы тебя убить. Твоя кровь ему не нужна, и он может убить тебя любым способом даже и на расстоянии: пустить стрелу из лука, выстрелить из арбалета, метнуть тебе в грудь или спину тяжеленное копьё из кустов, из-за укрытия, с верхушки дерева.

Ему недавно предсказали смерть черные волхвы от твоей руки. Убить тебя нужно обязательно, без этого страшное предсказание точно сбудется. Ни под каким видом нельзя говорить с тобой и твоими посланцами, читать твои записки. Только убить! Никакого другого выхода нет.

Мирча знает, что ты русский боярин, известный своей охотой на вурдалаков, признанный их убийца с большим опытом, зовут тебя Владимир, с тобой трое спутников.

Мы о нем не знаем почти ничего: ни во что одет, ни кем представляется, ни какое имя говорит, какой он внешне.

Охота уже началась, Мирча бродит где-то здесь, поблизости. Неизвестно возит ли его конь, или он рыскает пешком.

– А он один? Других вампиров с ним нет?

– Мирча всегда один, помощников не признает.

– Долго будет длиться охота?

– Пока ты жив!

– А если попытаться очень быстро ускакать? Вдруг быстрого коня под ним нету?

– Не получится. С его силищей он любую лошадь перегонит.

– А если попробовать сбить его со следа, попытаться увильнуть?

– Бесполезно. Черные ему кедровую крысу выдали на нитке. Куда она нос повернула, там ты и прячешься.

Ну кругом вражеские чародеи обложили! Ни спрячешься, ни объедешь. Даже против моей кедровой рыбки свою крысу выставили. Все, гниды этикие, предусмотрели.

А наши Старшие белые ничего не заметят. Официально черные волхвы в охоте не участвуют, ее ведет вампир Мирча. Все претензии, на которые ему глубоко наплевать, к нему.

Может быть если ударить его магически посильней, вурдалаку и конец? Сам-то я слабак, но есть ведь достаточно мощный Богуслав. Сейчас его и спросим! Но надо прежде узнать дальнейшие планы филина.

– А ты далеко меня проводишь? Вдруг Мирча только в Сербии на меня нападет?

– Провожу и постараюсь защитить по дороге во Францию, а потом и до Новгорода доберемся. В тамошних лесах живность и половлю, пока Макошь нас куда-нибудь еще не отправит. В любом походе будем теперь рядом. Богиня тебя очень ценит, и вероятно еще в каких-нибудь своих задумках использует. Мало ли чего еще ей понадобится. Я вот под ее рукой скоро уж пять лет летаю.

– А почему Макошь других филинов не использует? Передавали бы меня друг другу по цепочке.

– Да потому, что она разум всего трем филинам усилила. Я с тобой, второй в Испании, третий где-то на берегу Тихого океана обретается.

– А что же ты есть будешь?

Филин немного подумал.

– Ну волка, рысь и медведя, пожалуй, не осилю, а остальное – все!

– Это как? – поразился я.

– Да обычно. Кого поймал, того и съел. Лиса и заяц, конечно, тяжеловаты, далеко не утащишь. Отношу чуть в сторонку, да по двое-трое суток ем. Ласки, куницы, белки, хомяки за милую душу идут. С ежа колючую шкуру сдирать не люблю, возни много. Грызунов не упускаю.

Особенно птиц люблю! Я помельче беркута, он тут самый крупный, с ним и не связываюсь, а все остальные в еду очень даже годятся! Утки, гуси, тетерева, рябчики, глухари, цапли, на край даже жесткие вороны – все в лет идут. Кого в гнезде изловил, кого на взлете поймал – всем рад.

Если никто из зверья не подсунулся, птиц не видно, значит нужно повнимательнее оглядеться, не высунулась ли из кустов змея, ящерица может не у места забегалась, лягушка что-то лишнего распрыгалась, да мало ли кто еще неосторожность проявил. Взгрустнулось? Полетел к реке или озеру, рыбки половил.

Так что за меня не тревожься – всегда прокормлюсь.

– А зимой у нас в Новгороде не замерзнешь? Болгария-то ведь страна теплая.

– Два года назад Макошь меня в Данию посылала. В осень не уложился пришлось и перезимовать там. Морозы стояли трескучие! Пережил.

Мы, филины, только за Полярным кругом не селимся – лемминги мелковаты, а у песцов мясо на вкус противное. Там полярная сова обжилаась, ей там привычно. И в пустыни не лезем – слишком жарко, перья от пота слипаются. А кроме этих крайностей, куда богиня скажет, туда и полечу, там и проживу. Вопросы все?

– Пожалуй да...

– Так я полетел?

– Лети.

Филин с шумом сорвался с моего плеча и быстро исчез в темноте.

– Как это он еще излавливается тебе по башке крылом не дать? – удивился Богуслав. – Обычно всех ловчих птиц от себя на кулаке как можно дальше отводишь. Совершенно всех! Хоть здорового ястреба, хоть быстрого сокола, без разницы.

– Те просто неразумные птицы, а ему сама Макошь ума добавила, вроде как ты Марфе. Все понимает и оценивает не хуже нас с тобой. Голова! Вот он видимо сначала падает с плеча, а уже чуть поодаль крыльями начинает махать. Если бы хоть какой-нибудь риск был меня крылом задеть, поодаль бы сел – его голос издали слышно.

– Вот оно что... Ладно, рассказывай по делу.

Я передал перевод.

– А ты хотел с этим гадом договариваться! Только убить!

– Может ты его как-то посильней магией ударишь, глядишь и пришибешь?

– Этого даже Старшие сделать не могут, – виновато развел руками могучий волхв. – Где уж там мне соваться! Не берет кровососов наша магия, обычно будем биться. Ты смотри с завтрашнего дня без кольчуги на улицу не высовывайся! Вдруг кинжалом ткнет или еще какую пакость задумает, защищен будешь.

Там у тебя ворот низковато сплетен, ну да мы с Ванькой рядом, постараемся от укуса защитить. Теперь даже в кустики один не ходи! Не время дурить да смелостью своей похвастаться! В Хасково еще железный ошейник выкуем, а до той поры усиленно остерегайся!

А уж в лесу кроме меня, тебе никто не поможет. Ваня, конечно, парень верный и смелый, но до того медленно соображает! Из тебя уж всю кровь успеют высосать, и труп закопать, а он только закончит озиаться, и вымолвит: мастер, а ты куда делся-то?

Тут Богуслав выстроил такую забавную рожу озирающегося растяпы, что я не утерпел и прыснул.

– Ладно, ладно, – не стал спорить я и подумал: мы ведь действительно не в киношном боевике лихо скачем, натянув ковбойские шляпы-стетсоны с загнутыми полями на самые уши и кобуры с кольтами нам бока с двух сторон своей тяжестью не оттягивают.

Против нас самый настоящий вампир, а он шутить не любит. Да и не будет. Он придет убивать, и будет убивать, как делает это уже десятки, а может и сотни лет.

– А пока мы тебе на шею какую-нибудь толстую тряпку намотаем, – решил Богуслав.

– Да чего-то нет у меня никаких лишних тряпок, – растерянно заметил я, – трусы что ли на шею повязать?

– Сейчас у Ванчи купим. У нее хозяйство налаженное, не может такого быть, чтобы от двух баб в доме лишних тряпок не было!

Ну да, с точки зрения любого разумного мужчины у любой женщины, особенно его жены, слишком много лишних тряпок!

Мы вернулись в корчму. Вакханалия заказов уже стихла, народ доедал и готовился расходиться. Пламен бойко собирал использованную посуду, а умаявшаяся от всего этого бесчинства Ванча ждала нас за нашим столиком.

Дождавшись пока мы присели, она спросила Богуслава:

– С посетителями тоже твоя работа, болярин?

– Моя, – не стал отказываться от очевидного волхв.

Ванча не спеша встала, сказывалась усталость, и поклонилась ему в пояс. Потом опять села и повела неторопливую беседу.

– Выручил ты нас сильно. У меня все припасы смели, даже сухари подъели. Никогда прежде такого, даже и на престольные праздники, не бывало. Теперь в ближайшие месяцы в деньгах нуждаться не будем.

Может поживешь у меня в гостях с друзьями подольше? Платить ни за что не нужно! А будет народ в мой харчевне так еду расхватывать, стану тебе приплачивать, и немало. Да и приглянулся ты мне. Коли взгрустнется, или захочется чего, отказа от меня по женской части не будет.

Тут женщина даже как-то покраснела. Видно такие смелые речи были для нее совсем непривычны.

Богуслав тоже поднялся, как-то церемонно, видать по-боярски, поклонился, сел краешек стула и ответил:

– Для меня, старика, большая честь услышать такие слова из уст такой видной женщины, как ты, любезная моему сердцу Ванча. В других обстоятельствах я обязательно остался и очень надолго, а потом увез бы тебя в свое поместье на Русь, но сейчас не могу, очень спешу. Извини.

Ванча от этих слов совершенно запунцовела. Женщина и мужчина глядели друг на друга не отрываясь, просто не могли отвести глаз друг от друга. Что ж, свой свояка видит издалека, а общее желание сильно сближает души!

– Сколько мы сегодня должны за ужин? – совершенно не вовремя встрял я.

Они от меня отмахнулись в две руки – отстань, постылый!

– Ничего вы не должны, – через силу проговорила хозяйка. – Спать пора. Сильно спать пора.

А в голосе слышалось: не утомляй ерундой! Не мешай ТАКОМУ событию!

И нас повели спать. Пристроили молодежь, пошли выбирать место для нас. Богуслава сразу хотели положить в отдельную комнату, но он заартачился.

– Побратима не брошу! Ему грозит страшная опасность!

Хозяин – барин! Мы прошли в двухместный номер, а уж тут его начали уговаривать по-настоящему. Ласковый женский голос омывал, укачивал и успокаивал:

– Да какая же тут может быть опасность? На двери дубовый засов, при побратиме грозная собака и острая сабля. Да и он сам, похоже, мужчина боевой, вон как усишки топорщатся! У трусов они обвисают. И глаза горят! Кто боится, у того глазенки тусклые, бегающие, а Владимир орлом глядит!

– Он не из трусов, – пробурчал раздосадованный помехой в моем лице Слава, – но ведь ему даже до ветру одному высунуться нельзя – враз враг поймает!

– Да не надо куда высовываться, – сладко напевал и манил за собой ласковый женский голос, – вот я ему под кроватьку детский ночной горшочек поставлю. Мы пойдем, а он щеколдочку за нами прикроет, и будет спать-почивать в тишине и покое, добрые сны видеть. А то ты ж поди храпишь, ворочаешься во сне, стонешь без женской ласки, потревожишь человека. Пошли, милый, пошли, ну хоть ненадолго пошли...

И Богуслав ушел. Да женская сила сто очков вперед любому гипнозу даст! Кого хошь в бараний рог согнет, да еще три раза завьет спиралью при этом, думал я, задвигая щеколду и раздеваясь.

Не забыть завтра толстыми тряпками на горло разжиться, мелькнула последняя мысль и я провалился в сон.

А на завтра мы никуда не поехали. Я проснулся утром, повалялся вволю, на это у меня ушло минут тридцать – не идет обычно всегда рано встающий Богуслав. Рискнул и в одиночку по солнечному утру выгулял Марфу. Меня не зажали, плюс еще полчаса. Сделал зарядку, это еще час, тишина. Не переусердствовал ли побратим в ночной схватке, не помер ли от усердия в женских объятьях?

А часы уже показывают половину одиннадцатого. Однако! Пойду поищу хотя бы Ванчу. Может успела хоть какую-нибудь кашу сварить из остатков не съеденной вчера крупы и выдаст завтрак? Жрать-то зверски охота!

Вместо каши в пустой корчме нашел сиротливо и одиноко сидящего Пламена. Только я хотел узнать где его сестра, как он спросил:

– Ванча не у вас? Со вчерашнего вечера ее не видел!

– Она пошла устраивать болярина, – отбоярился я, – и больше ее видно не было.

– Куда ж она делась? – растерянно сказал братец, – сроду она никуда не исчезала... А я без нее не знаю за что взяться...

Я пожал плечами.

– Ваши ребята уже два раза заходили, поесть хотели...

Все бы хотели! – подумал я. Искать надо, а не ныть! И отправился на поиски.

– Марфа, ищи Богуслава!

Ткнулась влажным носом в дверь недалеко от моей. Прислушался – тихо. Все что ли передохли? Постучал. Ни ответа, ни привета. Озлился и начал дубасить в дверь кулаком. Это возымело действие – через минуту послышался знакомый мужской голос:

– Да иду я, иду! Кого там черт в эту рань принес?

Наконец дверь со скрипом растворилась, и на пороге нарисовался голый Богуслав с какой-то тряпкой на чреслах. За ним было темно. Он зевнул, и сказал:

– А, это ты, Вовка... Не спится тебе?

– Через час уж обедню в церкви звонить начнут, – раздраженно ответил я, – а мы с молодежанами еще не завтракали!

За могучей Славиной спиной тихонько ойкнула женщина.

– А чего ж в этом курятнике такая темнотища? – поразился бывший воевода. – Ванча! Почему темно? Я думал еще ночь...

Ему не ответили, но в темноте слышалась какая-то возня – там одевались. Наконец он и сам смекнул, что для разговоров не время.

– Ты, Володь, иди в трапезную, а мы сейчас подтянемся.

Ишь ты, трапезная! – думали мы с Марфой, продвигаясь к столовой. По пути позвали ребят.

– Доброе утро! Пошли завтракать! Гав!

Только расселись в столовой за привычным столиком, прибежала хозяйка.

– Яичню будете?

– Будем! – дружно гаркнули мы.

– По три яйца каждому без хлеба хватит?

– По четыре! – и наплевать на холестерин! – решил я.

А работа уже кипела.

– Пламен! Бери деньги, корзинку, и беги по дворам: скупай какие у кого есть припасы! Денег не жалея! И быстро, быстро!

Богуслав уже пришел к шапочному разбору – сестра с братом унеслись кто-куда.

– Она же вроде вчера говорила, что на кухне весь запас продуктов расхватили, – недоуменно заметил Ваня, – а сейчас вдруг яйца какие-то объявились...

– У нее птичник во дворе, – растолковала ему умудренная жизнью жена, – а куры несутся и ночью. Она же не на кухню побежала.

Эх, Иван, святая простота! – подумал я. Если сейчас милый Богуслав зевнет и скажет между делом, что он курочку на обед хочет, там весь курятник порубают!

Поев яичницы и уяснив, что мы сегодня уже никуда не едем в связи с особыми обстоятельствами, молодые отправились гулять. Мы с Богуславом вернулись ко мне в комнату. Сзади плелась понурая Марфа. Несмотря на то, что я с ней поделился половиной своей порции, волкодавие было скучновато и голодно.

Не горюй, верный зверь! На обеде оторвемся, оборвем эту неуместную для нас с тобой разгрузку.

– Что-то не получилось у меня придумать внятного объяснения почему мы сегодня не уехали, – расстроено проговорил Богуслав. – Что это еще за особые обстоятельства? Звук пустой!

– Ну, если взять за особое обстоятельство то, как ты нынче ночью оскоромился, то попрет! – утробно захохотал я. – Или это теперь станет для тебя привычным обстоятельством для каждого села по дороге?

Слава показал здоровенный кулачину.

– Дразнить будешь, огорчу. Ох, огорчу!

– Ладно, ладно, молчу, – пошел на попятную я. – С кем не бывает! С каждым может такое случиться.

– С тобой что-то ничего не случается! – резко оборвал меня Богуслав.

– Неказист с виду, не пользуюсь спросом! – серьезно отрапортовал я.

– Все ты с шутками да прибаутками, – понурился побратим. – Ты певун великий, и язык для разговора у тебя очень хорошо подвешен – любую бабенку уболтаешь и прельстишь, а все-таки ничем этим не пользуешься. Я уж молчу про то, что мы с тобой долго без женщин обходимся. И я-то с известия о том, что жива суженая моя в далеком краю, и ждет меня, на других женщин заглядываться перестал, а ты-то вовсе, от самого Новгорода пиликаешь, и ничего! Никаких поползновений с твоей стороны насчет женского пола не наблюдается.

– Я после своей ненаглядной Забавы других женщин в своей постели представить не могу, – повинулся я. – Ни на одну девицу желания не появляется. Может сильно пьяный бы и сумел, но сам знаешь – я сильно не опьяняюсь, надежная защита стоит. Так что проскриплю, как скованный поясом верности, до самого Новгорода, до встречи с желанной моей, хозяйкой моей души и силы моего тела Забавой.

– Да и у меня ведь так же было! А на Ванчу вдруг всколыхнулось что-то потаенное в душе, потянуло к ней, как мальчишку зеленого, и не удержался! Да и она в сторонке не осталась – приложила все усилия, чтобы меня в постель к себе затащить.

Как случилось это все с нами в комнате с наглухо зашторенными окнами, Ванча извинилась. Сорок пять лет, говорит, на свете живу, сын взрослый, муж скоро шесть лет, как помер, и никогда со мной этакой оказии не случалось. До мужчин, говорит, я всю жизнь не особо падкая была, что они есть в моей жизни, что нету, мне без особой разницы всегда было. Так, полежишь безропотно под мужем, покуда он не удовлетворится, и опять идешь дела делать. Что было, что не было – мне все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.